

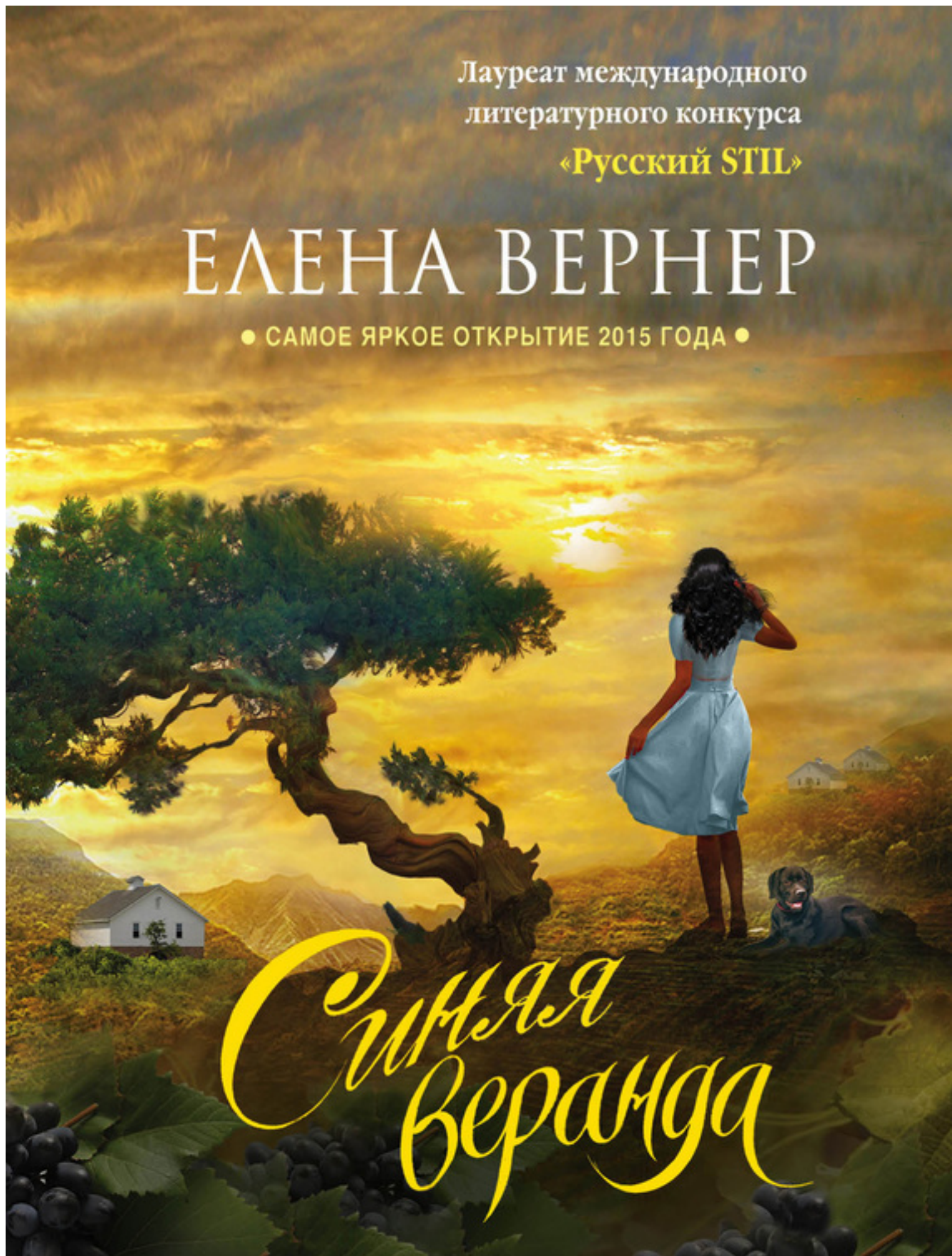
Лауреат международного
литературного конкурса

«Русский STIL»

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

● САМОЕ ЯРКОЕ ОТКРЫТИЕ 2015 ГОДА ●

Синяя
веранда

Верю, надеюсь, люблю

Елена Вернер

Синяя веранда (сборник)

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вернер Е.

Синяя веранда (сборник) / Е. Вернер — «Эксмо»,
2016 — (Верю, надеюсь, люблю)

ISBN 978-5-699-92802-6

Синяя веранда старого уютного дома, окруженного виноградниками. На веранде – смуглая женщина в белом платье: юная, сильная и страстная. Забыть это он не может. Таинственная власть Марии и всего того, что окружает ее, столь мощна, что мужчина, обреченный быть вечным бесприютным странником, скитальцем, неизменно стремится к ней из любой точки Земли, куда бы ни забросила его судьба. Он никогда не расскажет, что за его любовь к Марии двое заплатили своими жизнями, а двоих, движимый силой этой любви, он спас. Неизвестно, как сложится его жизнь дальше, но он уверен: отовсюду будет идти, лететь, ползти к заветному дому с синей верандой...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92802-6

© Вернер Е., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Синяя веранда	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Вернер

Синяя веранда

© Вернер Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Синяя веранда

повесть

Посвящается Ксю

И сегодня снова – та самая ночь. Я не знаю, как это происходит, но рано или поздно это непременно случается. Именно сегодня, засыпая, через пять суток после предыдущего раза, в самый последний момент перед отключкой, я снова чувствую это падение, словно проваливаюсь сквозь кровать, пол, все этажи подо мной – и куда-то еще ниже, до земного ядра, в самое пекло. Все мое тело знакомо костенеет, мышцы сокращаются судорогой в желании рвануться вперед, туда, где началось это падение. *Когда* началось это падение.

Я знаю *когда*. Мне исполнилось восемнадцать. Именно в том возрасте детский кошмар, падение во сне, стал моей реальностью навсегда. С тех пор прошло шестнадцать лет.

И пока я спиной вниз лечу сквозь, кажется, саму земную кору, я не могу думать, не могу пошевелиться. Но уже ощущаю на языке вкус, ставший мне родным. Он всегда неизменен, везде одинаков, скрипучий, сухой, старый и мучнистый.

Вкус дорожной пыли. Вкус обочины. Вкус моей жизни.

А потом я просыпаюсь. И все начинается.

Я открываю глаза, и первое, что я вижу, – она. Обочина. Глянул однажды, когда подвернулся случай, определение в словаре. «Элемент дороги, примыкающий непосредственно к проезжей части на одном уровне с ней». Все верно. Проезжая часть всегда принадлежит тем, кто здесь живет, – обочина всегда моя. С разметкой и нет, асфальтированная и грунтовая, с гравием, мелкой щебневой крошкой или красной глиной, с длинными сосновыми иголками опада, с листьями, голая. Горячая и заледеневшая, посыпанная реагентом, облитая дождем и растрескавшаяся от засухи. По ней ручейком течет пыль от жаркого ветра, или электрически щелкает шар перекасти-поля, или колышутся желтые рапсовые цветочки, пшеничные колосья, чертополох... Правда, разлеживаться на ней долго не приходится, иначе обязательно кто-нибудь из проезжающих мимо тормознет и захочет узнать, в чем дело. Чаще всего это довольно удобно, говоришь или на пальцах объясняешь, что попал в беду, и просишь подбросить до ближайшего населенного пункта. Но иногда встречаются стражи порядка, вот с ними хлопот не оберешься. Очень сложно правильно ответить на вопросы, если не имеешь понятия даже, на какой из континентов тебя только что занесло, не говоря уж о стране или местном наречии. Нет, просыпаться от тычка полицейского я ненавижу. Потом весь день кувырком. Однажды сидел в китайской тюрьме, пока они пытались определить мою личность и выяснить, есть ли у меня виза. Ага, ну да. Где-то рядом с паспортом, на другом конце света белого. Завалялась, так сказать.

С течением лет я потерял фамилию, потом национальность, потом имя. Возраст, правда, при мне, я сверяюсь с любым попавшимся мне на глаза календарем и любым зеркалом, так равнодушно отражающим мою заросшую физиономию. В остальном я просто Кочевник.

Неважно, где я заснул, неважно, как давно было последнее перемещение. Просто однажды снова наступает та самая ночь, когда я ложусь спать и внезапно проваливаюсь в другую локацию, вот и все. И надо начинать сначала.

Постоянного в моих пробуждениях не так и много. Я всегда один, на обочине дороги, за пределами населенных пунктов. В любой широте это всегда утро, я прихожу в себя, лежа головой на восток, а на востоке как раз встает солнце. На мне всегда джинсы с пустыми карманами, хлопчатобумажная рубашка с закатанными до локтей рукавами и тряпичные мока-

сины. Я давно перестал мечтать о том, чтобы проснуться с кошельком – да и зачем он мне, если каждый раз нужна новая валюта. Хорошо хоть, милосердный некто позволяет мне не сверкать голым задом: видно, Бог стыдлив, и джинсы мне вместо фигового листочка. Каждый раз я чувствую себя отдохнувшим, но если накануне у меня разболелось горло, то и теперь недомогание продолжится. Если лег спать голодным – голод никуда не денется. Я – это по-прежнему я, только в других декорациях.

У меня давно выработался алгоритм действий. Первым делом, пока веки еще не поднялись полностью, кожа уже дает ответ на самый важный вопрос: тепло или холодно. Не «где я?», а именно так – «тепло или холодно?». От этого постоянно зависит моя жизнь. Я раздобуду еду и питье, найду ночлег, но все эти проблемы можно решить позже. А вот если я пробуждаюсь на обочине где-нибудь за Уралом в январе, на Аляске, в Висконсине или на Огненной Земле... Вы удивились бы, узнав, как изобретателен человек, который хочет выжить. За эти годы мне довелось воровать, угонять машины, вскрывать замки и бить стекла в домах, прикидываться больным, недоумком, немым, глухим, меня били, я дрался... И врал, вру-то я вообще постоянно, ведь кто в здравом уме поверит в правду? Словом, вряд ли я пример для подражания. Убивать других мне, правда, не приходилось, но я не тешу себя тщеславными иллюзиями о высоте моего морального полета. Вряд ли это результат осознанного выбора, скорее, я просто не попадал в настолько серьезные переделки. И не хочу думать, что будет, если попаду. Разберемся на месте. Мама всегда говорила: «Решай проблемы по мере их поступления». Мама...

Итак, сегодня я открываю глаза. Температура воздуха шикарная, градусов двадцать пять, а ведь только рассвет. Значит, пока мне ничто не угрожает и можно продолжить игру в угадайку. По скольким признакам вы определите свое местоположение в мире, среди пяти континентов и тысяч островов? На самом деле это не так уж и важно. Главное – не спрашивать первого встречного «где я?». Во-первых, это тупой вопрос. Во-вторых, от первого встречного нужна по возможности помощь, а такой вопрос всегда вызывает неудовольствие и агрессию. Потому что в мире мало поклонников обдолбанных наркош с ретроградной амнезией, вы уж мне поверьте.

А если нет первого встречного? Порой это даже предпочтительнее. Люди заставляют меня держаться настороже. Никогда не знаешь, что придет в голову представителю нашего биологического вида, но, судя по плачевному состоянию планеты (а у меня было время это оценить), ничего хорошего в подавляющем количестве случаев. В одиночестве, при удовлетворительных погодных условиях, играть в угадайку становится даже забавно. Увлекательно. Я всегда смотрю на несколько вещей...

Дорожное покрытие. Как я уже сказал, просыпаюсь я на обочине, стало быть, в совсем уж необитаемые места меня не заносит. Ну так вот, я сразу встаю и иду – это залог выживания. Асфальт или нет, ровный или битый, знаки, разметка, правостороннее или левостороннее движение – все это может подкинуть пищу для ума. Указатель на город – это вообще деликатес, но такие попадаются редко. И пока мой ум пережевывает эти сведения, я добавляю еще.

Климатическая зона. Ну, сюда входит многое. Видны ли на горизонте горы, реки, моря, и какой ландшафт в целом, и растительность вдоль дороги, и фауна –дохлый тушканчик или раздавленная шиная змея. Чаще всего путаю Россию с Канадой, по природе они жутко похожи, одни и те же березки, тополя, заросшие пустоши. Впрочем, Южная Америка тоже морочит голову, но там хотя бы не возникает проблем с языком, испанский худо-бедно выручает. В Африке хуже. Еще хуже на Востоке, там стреляют. Кто и почему – я не знаю, потому что не смотрю новостей. Хотя сдается мне, что те, кто смотрит, не знают тоже.

После подробного заполнения двух основных пунктов анкеты я уже примерно представляю, где нахожусь. Так что я вставляю в мой пазл недостающие кусочки из всего, что

попадется на глаза. Смотрю на номера проезжающих машин, на их марки, на эмблемы компаний груженных фур, вывески бензоколонок, объявления на столбах, обрывки газет, долго и обстоятельно изучаю помойку, если посчастливится встретить таковую. Мусор дает едва ли не самое полное представление о месте и людях, живущих вокруг.

После этого я готов действовать. Я уже определил язык, на котором буду объясняться. Не сказать, что я владею всеми языками мира, скорее, на многих из них я могу выдать пару десятков главных фраз. Когда эта канитель только началась, я понял, что при любом удобном случае, в любой точке мира мне нужно искать словари и разговорники. И учить, все учить наизусть, потому что моя голова, в сущности, единственное, что я могу взять с собой.

Бывает, я провожу на новом месте сутки, иногда с неделю. Помню, однажды просидел сорок четыре дня в шахтерском поселке у Фокс-Ривер. Это – максимум, рекорд, я тогда даже начал уповать, что мое проклятье осталось в прошлом... Но. Вчера я засыпал в Танжере. А там, кстати, красиво. Я давно перестал считать страны. Большинство городов, где я побывал, не нанесены на туристические карты и глобусы, потому что карты и глобусы вообще имеют лишь отдаленное отношение к нашему миру. Он намного больше.

Когда-то все это пугало меня до чертиков.

Я пытался не спать, чтобы подольше оставаться в одном месте... Это невозможно. Либо спишь и путешествуешь, черт пойми как, либо не спишь и подыхаешь. Выбор, в общем, невелик. Так что я путешествую.

Имея такой образ жизни, как мой, относишься иначе ко всему. Деньги? Всего лишь возможность заплатить за еду и крышу над головой. Нет смысла пытаться приумножить их, потому что у меня нет несгораемой суммы: уже завтра меня может зашвырнуть куда подальше, и все капиталы обнулятся. Помню, как-то я даже ложился спать с монетами во рту, будто покойник, в надежде ухватить с собой хоть немного предыдущего благосостояния. Да только куда там... Достижения техники и электроники? Я знаю о них понаслышке, чаще всего из рекламы по какому-нибудь запыленному телевизору в глуши, на заваленной хламом кухоньке моего нового знакомого, чье имя я не вспомню через неделю. Кстати, про понятие «несгораемой суммы» я тоже знаю из чьего-то телевизора. Слава, признание, достижения? Профессия? Это все не для меня, я занят решением насущных проблем. Если крупно повезет, я – разнорабочий. Мне платят наличными, мятыми бумажками. Меня нет в реестрах и документах, списках пересекающих границы и держателей кредитных карт. Я не получил иного образования, кроме того, что ухватил на улицах и в разрозненных главах недочитанных книг. Все, что я уяснил: знать язык, на котором говорит стоящий перед тобой человек, куда полезнее, чем разгадывать устройство Вселенной и экономическую теорию. Умение починить кран или двигатель чихающего джипа, разжечь костер и поймать рыбу нужнее умения читать баланс и сводить дебет с кредитом. Хотя я и без понятия, что значат эти слова. Дружба? Невозможно завести мало-мальски доверительные отношения, когда не уверен, проснешься ли завтра хотя бы в пределах одного материка с новоиспеченным другом. Не говоря уж о более нежных материях...

Итак, сегодня за бортом плюс двадцать пять по Цельсию, солнце разгорается над горизонтом, и день обещает быть жарким. Я приподнимаюсь на локтях и не успеваю толком оглядеться по сторонам, когда слышу шелест крышечек. Мне не хочется лишних вопросов, только не сейчас, когда в голове крепко засела душная пахучая ночь Танжера и похмелье от паленого джина, выпитого в подворотне с каким-то бородатым парнем. Вообще-то с алкоголем я обычно не перебарщиваю, от этого тоже зависит мое выживание, но вчера я наплевал на свои правила и сегодня плачу за это. Я скатываюсь в канаву и выглядываю оттуда. Мимо проезжает белый расхристаный пикап «Шевроле», старше меня раза в два, с высунувшейся из окна рыжей дворнягой. Номера я, конечно, заметить не успеваю. Проклятье. Ну хоть по правой стороне, значит, не Австралия. Не Индия и не Япония.

А глотку уже саднит от вчерашнего перепоя. Пора двигаться. До воды лучше добраться, пока день не разошелся в полную силу. Я выхожу на дорогу и иду.

За долгие годы невольных странствий я научился не обращать внимания на отравляющие существование мелочи – и они перестали отравлять его. Стертые в кровь пятки успели поджечь за пять дней марокканских каникул, а ноющий затылок и пульсация крови в висках и глазницах – всего лишь факт бытия сегодняшним утром, это нестрашно, об этом вообще не стоит думать. Так что я думаю о невысоких горах, цепью тянущихся на горизонте, слева от меня, и о том, как пустынна и пряма дорога. Она серой струной перерезает равнину, выжженную, только кое-где в заплатах колючего кустарника. На ветру волнуются низкие сорные злаки, золотые растрепанные кочки. Земля, которой человек не распорядился... Асфальт, правда, хорош, вполне приличный, лишь иногда встречаются выбоины. Ни следов от шин, какие бывают при резком торможении, ни банки из-под колы или фольги от чипсов. Если бы не было дороги, я бы думал, что людей тут вовсе нет. Я глазею по сторонам с жадностью первооткрывателя. Я и есть первооткрыватель, с той лишь разницей, что пейзаж этот открыли раньше, а я никогда больше не увижу его. Будут другие, похожие и не очень, но именно этот – никогда. Я не попадаю в одно место дважды.

И так я иду час или полтора. Припекает уже неслабо. Белый пикап, проехавший мимо сразу после пробуждения, – единственный автомобиль, попавшийся мне, так что непонятно, ради чего было заморачиваться и вообще прокладывать тут дорогу. Посреди *нигде*.

И вот теперь наступает время тревоги. Обычно я полагаюсь на интуицию, мои инстинкты подводят меня редко, когда они велят мне бить, я бью, когда бежать, я бегу. Чистый адреналин, незамутненные реакции. Если я оказываюсь на перекрестке, то выбираю направление без лишних сомнений и колебаний: я доверяю себе. Сейчас все внутри меня начинает возиться и беспокойно ерзать. А вдруг степь не кончится? Ведь я понятия не имею, как далеко придется идти. Обычно к этому моменту я прикидываюсь автостопщиком, и меня подбирают, выслушивая грустную историю о том, как кто-то из нехороших парней спер мой рюкзак, а самого выкинул на обочине. Люди любят верить в рассказы о подлости, это возвышает их доброту в собственных глазах.

Сейчас рассказывать байку некому. Водоемов я не встретил, и ландшафт как-то не предполагает их наличия вовсе. Мой рот наполняется кислой слюной, я сглатываю ее, не получая облегчения. И иду. Идти вперед – все, что я могу.

Как-то незаметно я начинаю размышлять о смерти. Она всегда рядом, моя черная ящерица. Смерть, если кто не знает, она как варан. Вараны впрыскивают яд в свою добычу и могут преследовать ее многие мили, пока жертва совсем не обессилеет и не рухнет. Вот и я, как все смертные, отравленный ею с самого появления на свет, бреду и бреду вперед, а она тащится следом, не обгоняя и не выпуская из виду, в надежде, что я упаду. И конечно, я упаду, все упадут, это вопрос времени. Могу сказать с уверенностью, что мой варан настигнет меня в дороге. Скажем, это наиболее вероятно. Пару раз я почти сдавался, и хотя пока я еще шагаю, так будет не всегда. Варан начнет свою трапезу, а завершат какие-нибудь птицы с бестолковыми глазами, острыми клювами и когтями да черви. Возможно, мой труп даже найдут, но уж точно не опознают, потому что нет меня на свете и быть не может. Я принимаю такое положение вещей спокойно, потому что я вообще все принимаю спокойно. Научился уже. В моем пути нет иного смысла, кроме самого пути, и пока бьется сердце, мое смешное предназначение мне абсолютно ясно. Я не напишу великих книг, не открою лекарств, не сочиню песню, потому что все это не имеет никакого отношения к выживанию. Если хотите, я воплощенный, антропоморфный инстинкт самосохранения. Жизнь в чистом виде, без примесей морали и культурных надстроек. Я иду.

Когда солнце уплывает в зенит, я перестаю думать вовсе. Мне мешает дурманивший запах таяния мягкого асфальта и жар, волнами текущий вдоль него, почти видимый моими

слезящимися от света и песка глазами. Макушку напекло, и раз в несколько минут изображение, которое обрабатывает мозг, начинает раскачиваться и стробить. Ноги мои плохо слушаются, но это не повод замедлять движение. Я знаю, теперь точно, на физическом уровне знаю, что с каждым шагом удаляюсь от человеческого поселения, чем бы оно ни было, городом или деревушкой, но мое тело упрямо тащится в выбранную им с самого начала сторону. Будто догадалось о чем-то, мне пока неведомом.

Темно-зеленый массив по правую сторону от дороги, к которому я приближаюсь, оканчивается виноградниками. Невысокие кряжистые лозы, ровные рядки, и число им – миллион. Я цепляюсь за скрюченные, сухие на ощупь ветви и набиваю полный рот виноградинами. Незрелый, кислочий, он все же лучше, чем ничего. Витамины, уговариваю я себя. И ем, даже когда от желудка поднимается жгучая горечь изжоги. После этого я веселею и направляюсь дальше чуть более быстрым шагом, чуть смелее развернув плечи. Уже недалеко.

Я прав. Вскоре от асфальтированной дороги отделяется пыльная лента грунтовок. Ни указателей, ни рекламных щитов – в такой глуши они ни к чему, и я сворачиваю. А еще через милю вижу сначала ограду с длинными поперечинами, похожую на границу какого-нибудь ранчо, несколько старых деревьев квебрахо, от которых на выжженную землю ложится неверная тень, а потом и дом. Он похож на глоток воды, и это ощущение настигает меня прежде, чем я пойму почему.

Но дальше происходит непредвиденное. Откуда-то сбоку на меня выбегает пес, огромная рыжая псина. Раздается гортанное рычание, настолько же тихое, насколько убедительное. Из оскаленной пасти свисает длинная клейкая нить слюны и тянется вниз, прилипшая вторым концом к пыльно-белой шерсти крепкой грудины. До того как я делаю еще один шаг, собака с коротким одиночным лаем бросается на меня и смыкает челюсти на моей левой руке чуть ниже локтя. Отбиваясь, долбя кулаком по ее комкастому черепу, я падаю на колени в пыль и только тут чувствую боль, растекающуюся по руке кипятком.

– Sila, no! – раздается пронзительный женский крик. Все плывет перед глазами. Похоже, испанский, радостно думаю я и вырубаясь.

Это что-то новенькое. Терять сознание вот так, без удара тяжелым предметом по голове, мне еще не доводилось. Боль от собачьего укуса была недостаточно сильной для болевого шока, так что я все списываю на солнечный удар. Ну и плюс похмелье, и плюс все-таки болевой шок. Все это приходит мне на ум, пока я балансирую на грани яви и забытья. В следующий миг я открываю глаза, и все тело готово рвануться вперед и вверх. Черт возьми, эта *привычка вставать и идти* переросла меня. Я почти насильно удерживаю себя в горизонтальном положении, потому что знаю, что внешней угрозы больше нет, зато есть возможность оценить полученный урон. Голова чугунная, рану на руке дергает. Я скашиваю глаза в ее сторону и вижу сложенный из марли квадрат, пропитавшийся кровью посередине, а за ним и выше – окно, выходящее на тенистую веранду. Одна створка распахнута, и где-то в глубине дома есть еще открытые окна, потому что белая занавеска надувается парусом сквозняка. Ветер горяч и не принес бы облегчения, если бы не мокрая тряпка у меня на лбу.

И тут же легкие шаги. Стерильный бинт, прохладные пальцы и равнодушный запах дезинфицирующего раствора.

Она говорит, что ее зовут Мария, и немедленно принимается за перевязку, а я – за беззастенчивое разглядывание. У нее выразительное лицо с крупными губами и темные маслянистые глаза, родинка на правой щеке, собранные в хвост волосы, надо лбом и на шее переходящие в кудрявый пушок. Она смугла и поджара, загорелые плечи с острыми косточками, высокая грудь с католическим крестиком в ложбинке. Пот пропитал ее белую майку под мышками и на спине, но она этого ничуть не смущается. И прощения за нападение собаки

она не просит, зато не лезет с расспросами, что я делал на ее земле, так что будем считать, мы квиты. И когда она склоняется над моей разорванной рукой, ловко обматывая белой шалью бинта, я чувствую ее запах, впервые. Волнующий и сладковатый, знакомый не столько моему носу, сколько нутру, всему естеству. Это не шампунь, не духи, и я ломаю голову в тщетных догадках, потому что спросить нельзя.

Мы говорим, я и ее глаза. Я рассказываю свою историю неудачного автостопа, а ее глаза почему-то спорят со мной, не верят, но не могут найти брешь в этой простецкой лжи, так что им приходится ее принять. Сама Мария все это время молчит. Я прошу воды и слежу за тем, как она проходит в кухню, достает из шкафчика стакан и наполняет его. Стаканы у нее захватанные, с меловыми потеками от плохой воды, хотя жилище, насколько я могу судить, содержится в чистоте. Потом она велит мне отдыхать, и я почему-то подчиняюсь и откидываюсь на подушки. Мария уходит, а я остаюсь.

Мне быстро наскучивает валяться без дела, к тому же я не настолько болен.

Дом небольшой. Большая часть мебели самодельная, добротная, из мореного дерева. Древесину определить не берусь. Бессчетное количество домотканых цветастых половичков и ковриков: у дивана, у стола, поверх этажерки в углу, у кресла-качалки и на нем. Много глазурованной керамики, желтая ваза, сине-оранжевое кашпо, какие-то плиточки, панно, фигурки... Раскрашенная статуэтка Пресвятой Девы на каминной полке. Порог кухни облицован мелкой ультрамариновой и лимонной мозаикой, и мне на ум тотчас приходят недавно виденные мелкие и дробные мавританские узоры в вязи танжерских переулков. Все южане любят пестроту, в ней находит отражение неугомонность их крови. На стене в гостиной висит гитара, и хотя корпус ее чист, на струнах я замечаю мохнатый налет пыли, как будто на инструменте давно не играют, хотя и протирают тряпочкой любовно. И ни одной фотографии. Интересно, чья гитара... Мария живет одна? Я не обнаруживаю никаких примет, говорящих о наличии в доме мужчины или детей, хотя возраст в сочетании с провинциальностью жилища почти обязывает ее быть хотя бы замужней.

Снаружи беленые стены и яркая, недавно выкрашенная лазурной краской веранда, что опоясывает дом с севера и запада. Глоток воды, вспоминаю я первое впечатление, это сочетание маринного синего и снежно-белого посреди выжженной саванны. Между двумя столбами веранды растянут полосатый гамак, а дощатый настил рассохся, и в одной из щелей с палец толщиной я замечаю жука с жесткими крыльями, словно из черной фольги. Он шевелит усами.

С другой стороны дома располагаются хозяйственные постройки, и от них ведет дорожка, спекшаяся от зноя, с обеих сторон обсаженная апельсиновыми деревьями, и утыкается другим своим концом в виноградники, тянущиеся дальше, насколько видно глазу. Я хочу осмотреться получше, но от праздного шатания меня предостерегает вылезающая из-под сарая злобная псина, которая, верно, еще помнит вкус моей крови, как я – остроту ее изжелта-серых резцов. Так что я быстренько возвращаюсь в прохладу дома и дожидаясь Марию. Я прошусь к ней в помощники, хотя бы на пару недель. Срок непременно необходимо озвучить, люди любят все планировать, так им кажется, что именно они, а не слепой и насмешливый случай управляют жизнью... А беглый осмотр ее владений дал мне довольно полное представление о том, что этот дом нуждается в умелых руках и молотке. С нее молоток.

Мария смотрит с удивлением, и в глазах ее, готов поклясться, мелькает улыбка, которой и в помине нет на сжатых губах:

– Довольно странно нанимать на работу того, кто потерял сознание еще прежде, чем поздоровался.

Но ей и правда нужна помощь, так что она позволяет мне убедить ее, не преминув сообщить, что вообще-то у нее есть плотник, по совместительству один из сборщиков вино-

града, но он вернется только ко времени сбора урожая. Эти виноградники и все ранчо принадлежат ей, и конечно, рабочих у нее полно, но большая часть их – сезонные. Я объявляю, что приступлю к работе немедленно, но она настаивает отложить ремонт и починку до завтра. Я соглашаюсь.

Лжец. У меня ведь, вполне возможно, нет здесь никакого «завтра». Но я вынужден. Люди так делают. Никогда не способные знать наверняка, они обещают и строят планы, не имея на это никаких причин, кроме упования... Лгать Марии неуютно, неприятно, слишком уж она молчалива, слишком пристально и проницательно следуют за мной ее блестящие глаза под лиловатыми веками.

За обедом, в желании скрасить тишину, я болтаю о путешествиях, о том, что обычно интересно моим собеседникам, и действительно отмечаю, как она оживляется. Но в ответ она не поддерживает беседу, не бросается рассказывать о собственных поездках, не демонстрирует альбомы и на прямой вопрос пожимает плечами без тени сожаления:

– Я родилась в этом доме, в той комнате, что в конце коридора. И не была нигде дальше Рио-Негро.

Я киваю. И, скользнув взглядом по ее карамельной груди, вдруг вижу на цепочке рядом с крестиком кольцо. Вдова.

Мысли взвиваются, как опилки от порыва неосторожного ветра. Или я сошел с ума, или раньше кольца там не было: уж грудь-то я изучил внимательно. Крест помню, но не обручальное кольцо. Что это означает? Желание вызвать сочувствие или уважение? Намек на одинокую жизнь без мужской ласки? Наоборот, попытка защититься именем мужа, пусть даже мертвого, от меня? Любое из этих объяснений не годится, не вяжется, и я не перестаю подбирать разгадку, как ключ из связки у запертого замка, а тем временем обед заканчивается – в молчании. Вид кольца так поразил меня, что я не могу больше изобрести тему для болтовни и не могу сообразить почему.

Остаток дня я болтаюсь без дела по владениям Марии. Сама она, свистнув своей дворняге по имени Сила, укатила в город за покупками – на том самом белом пикапе, который проехал мимо меня сразу после пробуждения этим утром. Эх, если бы я тогда вскочил и дал знать о своем присутствии! Не было бы многочасовой жажды, тяжелой головы, солнечного удара... И хотя и продолжаю воображать альтернативное знакомство с Марией («Hola! Привет, подбросите до ближайшего города? – Я не в город, я на ранчо. – Хорошо, пойдет...»), что-то настойчиво твердит мне, что ее нога не опустилась бы на тормоз, а я так и остался бы махать рукой на обочине как дурак.

Женщины... Мой опыт по этой части довольно обширный и случайный, как у любого, кто не сидит на месте и обладает легким, общительным нравом. Их завораживает дух странствий, безошибочно улавливаемый ими за запахом моего пота, промасленных тряпок, которыми я вытираю руки, пока чиню их машины и газонокосилки, или дешевого пива в забегаловке: на хорошую выпивку заработать я не успеваю. Скучающие домохозяйки, неверные жены, официантки, портье захудалого придорожного мотеля... У меня нет времени на долгие ухаживания, и большинство из них на это готово. И хотя я всегда честно говорю, что мы, скорее всего, больше никогда не увидимся, я раз за разом читаю в их улыбающихся губах недоверие. Людям трудно поверить, что ими способны пренебречь, а женщинам в особенности. Так что я запретил себе гадать, какими словами они называют меня в своих мыслях после того, как я бесследно исчезаю на рассвете.

Вот и еще вопрос о бытии, ответ на который я не получил до сих пор: как выглядит мое падение сквозь пространство – со стороны? Что увидела бы лежащая рядом со мной женщина, если бы бодрствовала в тот момент, когда я проваливаюсь в мой странный бродячий сон? Ответа мне, вероятно, не раздобыть никогда. Не звонить же им потом из телефона-автомата с этим вопросом, в самом деле...

За ужином над столом витает неловкость, от которой я все еще не могу избавиться. Кольцо на цепочке смущает меня. После того как от лепешки с мясом и чили остаются крошки и красные разводы на тарелках, мы переходим на веранду. Зной уже спадает, на равнину стремительно обрушивается темнота, и небо слабенько подсвечивается лишь узким стареющим месяцем и осколками звезд. На веранде пахнет нагретой солнцем древесиной и незнакомыми цветами. Я не силен в ботанике, но мне чудится, что это запах Марии. Что все вокруг прониклось ее ароматом. Ее волосы выбились из прически, и она ненавязчивым жестом, в котором нет ни капли принужденности или дальновидных планов, распускает ленту, позволяя черным кудрям спуститься на ключицы. Сейчас на ней белый сарафан на тоненьких лямках, и во мраке вся ее фигура белеет призрачно и нездешне.

Она протягивает мне вино, и я откупориваю бутылку, разливаю почти черную жидкость по бокалам. Сорт мальбек, сообщает она. Мне это ни о чем не говорит, я вообще не разбираюсь в винах. Но это и правда отличается от других, мне хватает одного глотка, чтобы ощутить. Грубоватое, несдержанное, даже необузданное в своей терпкости, оно приносит языку и всей гортани вкус ягод, пряностей и дыма.

Мы пьем молча. В темноте тела Марии почти не видно, лишь сарафан, в плетеном кресле она сидит вполоборота, и на месте ее лица сумеречная зона. Кажется, ее взгляд устремлен в сад, впрочем, точно не скажу. И вокруг стоит такая ослепительная тишина, мне кажется, сам космос упал на землю. Потом я начинаю слышать стрекот цикад в высоких зарослях жесткой травы, которую еще днем опознал как пампасную. Конечно, мир отнюдь не молчит, не замер, все в нем по-прежнему полнится звуками и шорохами, но я не могу избавиться от ощущения космической тишины, через которую несутся планеты. Заговорить – почти преступление. Моя гортань пересыхает, и я делаю следующий глоток.

Провалов пока нет, и меня это радует и тревожит все больше. Три дня я живу на ранчо Марии, ремонтирую ограду, крашу дверь пристройки, чиню старый мотоблок и комбайн, сколачиваю ящики для нового урожая. Ночую я в сарае, на продавленном матрасе, набитом всякой ерундой. Не соломой, конечно, все-таки на дворе двадцать первый век, но распотрошить его я не решаюсь. Возможно, чтобы не разочароваться. По ночам рука ноет, и я долго ворочаюсь, пристраивая ее то так, то эдак, пока матрасная набивка колется и впивается в ребра. Что делать, с таким образом жизни мне не грозит не только ожирение, но даже мясность: я худ, как кузнецик в засуху.

В миле к западу от дома течет речушка. Плавать в ней я так и не насмелился, потому что не знаю, что за живность там водится. Но в Южном полушарии надо держать ухо востро, природа здесь диковата и не терпит присутствия человека, особенно такого непосвященного, как я. А впрочем, природа везде одинакова в двух своих качествах: красоте и недружелюбии. Моюсь я в летнем душе на задах хозяйственного двора, и этого вполне довольно. На второй день, воспользовавшись старым станком, забытым в сарае, должно быть, сезонным рабочим, я по привычке отбрасываю прочь брезгливость и выскребаю щеки и подбородок до синевы. Наконец-то чувствую себя человеком, а не отребьем. Мне не по себе, что Мария видела меня не в лучшем состоянии, но сожалеть – дело пустое. Блага цивилизации созданы не для мне подобных, если подобные мне вообще существуют. Я давно перестал задаваться вопросом, что стало со мной, в чем причина моего проклятия. К своему совершеннолетию я не натворил ничего предосудительного, по крайней мере настолько, чтобы Бог наказал меня так сурово. Знавал я куда худших людей. Фаталист поневоле, я лишь смиренно принимаю свою долю и надеюсь когда-нибудь все понять. Хотя шанс сдохнуть в канаве для меня намного выше вероятности оседлать истину.

Позавчера, увидев меня выбритым, в стремительно высыхающей рубашке, Мария задержала на мне взгляд своих миндалевидных глаз лишь на секунду дольше обычного. Ни

тени улыбки, ни комментария. Она и правда немногословна. Впрочем, это не от скромности, робкой ее не назвать. Никакая робкая барышня не взвалила бы на себя управление ранчо в одиночку. И хотя я познакомился с парой работников, живущих в соседнем городке и заглядывающих к ней время от времени, к этому моменту мне совершенно понятно: она здесь одна. Ну и еще несколько лошадей на конюшне и Сила, эта блохастая бестия, которая все норовит оскалиться на меня. Марию псина слушается беспрекословно, что не мешает ей выражать свое отношение к незваному гостю всеми иными доступными собаке средствами.

В течение дня мы с Марией почти не общаемся. Она дает мне работу, я отправляюсь исполнять. Фактически я работаю за еду, отказываясь от тех жалких песо, что она протягивает мне по вечерам, кроме вчерашнего раза, когда я принял деньги, видя, что мой очередной отказ нервирует ее. Да, нельзя пренебрегать такими условностями, нормальный работяга не отказывается от оплаты, иначе это становится подозрительным. Моя болтливость пропала без следа, я с трудом нахожу темы для разговоров за ужином. Вопросов Мария почти не задает, так что надобность во лжи отпадает, я рассказываю только то, что считаю нужным, а значит, умело избегаю сочинительства. Умалчивать – ведь не то, что врать, правда?

Я постоянно осознаю ее присутствие, даже если она хлопочет на другом краю участка, поит лошадей, скребет щетками их лоснящиеся шкуры. С трудностями она привыкла справляться сама, и иногда я не успеваю подскочить и помочь, когда ей взбредает в голову перетащить какой-нибудь тяжеленный куль или коробку. Приходится беспрестанно приглядывать, чем она занята и за что сейчас ухватится, хотя умом-то я понимаю, что она поступала так до моего появления и продолжит поступать после того, как меня здесь не станет. Нельзя принимать ее тяготы так близко к сердцу, напоминаю я себе в который раз. Она справляется сама, эдакая муравьишка, без жалоб тянущая на себе бревно...

Иногда она странно глядит на меня, нахмурившись, будто мое присутствие здесь нежелательно или она не может понять, кто я и зачем явился... Мне становится ясно, что я здесь непрошенный гость, которому стоит собраться и уйти при первой возможности. Но я не знаю, сколько дней передышки отведено мне перед следующим провалом, и без крайней нужды никогда не покидаю место, где мне удалось обосноваться с маломальским комфортом. Есть еще одна причина. Самый любимый момент каждого дня, на закате. Работа окончена, после душа я уже не воняю, и Мария раз за разом просит меня прийти в гостиную для перевязки. Она настаивает и, когда в первый день я попытался отказаться, стала вдруг особенно, как-то болезненно непреклонна. Мне даже показалось, что она побледнела от волнения. Пока ее руки снимают старый бинт, а пальчики проворно свинчивают крышку с флакончика перекиси, я наклоняюсь чуть ближе, чем это необходимо, и вдыхаю ее сладковатый запах, который источают волосы, одежда и сама кожа на плечах и шее, там, где учащенно бьется жилка.

Сегодня она вдруг отстраняется, как от удара, и я понимаю – заметила. Ее глаза темны и глухи. Никогда, ох, никогда мне не узнать, о чем она думает.

– Иланг-иланг, – говорит она чуть слышно, но твердо.

– Что?

– Вы принюхиваетесь. Это иланг-иланг. Масло.

Я серьезно киваю, чувствуя себя при этом полнейшим ослом. Что еще за чертов иланг-иланг? Перевязку она заканчивает молча, не глядя на меня. Ее пальцы кажутся мне холоднее, чем обычно, несмотря на жару.

Так проходит четвертый день. С каждым вечером мое беспокойство все нарастает, я знаю, что мне придется исчезнуть, но стоический настрой куда-то подевался. Я жду и страшусь.

Мы снова коротаем вечер на веранде. Сидим так близко и так далеко, на расстоянии вытянутой руки и двух незнакомых жизней. Дальняя по коридору комната выходит сюда открытой дверью, и в фонаре, стоящем на пороге между ней и верандой, ровно горит пламя

большой белой свечи, а в стекло долбят крупные мохнатые мотыльки. Вокруг нарастает что-то большое и темное, напряжение настолько велико, что невозможно даже пошевелиться. Я оцепенел, и все, что я ощущаю, это ее присутствие здесь, со мной. Сегодня ее мысли не витают за перилами веранды, не бродят по саду – они все увязли тут, я почти вижу их плотные очертания.

И я встаю, прощаюсь, желая спокойной ночи. Она кивает. Сорок девять шагов разделяют веранду и дверь моего сарая.

На восьмом шаге, на ступеньке веранды, она окликает меня. Я медлю, прежде чем повернуться, и когда нахожу в себе силы, она оказывается прямо позади меня, изваяние на пьедестале. С протянутыми руками.

Я хватаюсь за ее руки-плети. Виноградные лозы, водоросли... Мои зубы начинают стучать.

На кровать складками спускается москитная сетка, мы оказываемся под куполом, и он смыкается над нами. Теплый и недвижный воздух колыхнется нашим дыханием.

Мои губы пускаются исследовать карамельную географию ее тела. Запястья. Сгибы локтей. Скалы ключиц. Долина между двумя островерхими холмами, мерцающая от огонька свечи и выступающей влаги, как речное русло. Иссушенная равнина, которая поднимается, выгибается мне навстречу, умоляя о сезоне дождей.

Мы не думаем о предосторожностях. Мы не думаем вообще ни о чем. То есть я не думаю – ведь ее мысли для меня загадка. Я знаю лишь, что умру, если через минуту не сольюсь с этой женщиной, не впитаю ее до последней клеточки. Если она не примет меня, я погибну. Ничто больше не имеет значения.

Я вижу ее распластанной на белых простынях, я угадываю ее силуэт на фоне качающейся серости сетчатого алькова. Она – гитара, и по узкой спине льются черные потоки волос. Она – шхуна, а я океан, качающий ее на волнах, в глубине которых рождается жестокий шторм.

Она задыхается. Ее волосы липнут к нашим распаленным телам, оплетают все на земле. В эту ночь я понимаю, почему тогда, на веранде, когда я попробовал впервые вино Марии сорта мальбек, у меня мелькнула мысль, что хозяйка и сама похожа на свой напиток. В тот вечер подобное заключение было еще неоправданным, девушка сидела тиха и задумчива и поверх перил смотрела в фиолетовую ночь. Сейчас... Она растекается по мне жидким огнем. Винная. Темная. С черными, беспросветными впадинами глаз и тягучими поцелуями, выманивающими из груди душу. Она похожа на кислоту, которая обнажает мои кости, растворяет меня. Наши тела сливаются десятком возможностей, мы скользим, плывем друг по другу. Всклипы замирают, так и не вырвавшись из горла, глазам горячо и сухо до рези. Ее кисти удивительно сильные, пальцы переплетаются с моими, мы оказываемся сторуками, слепыми, ищущими друг друга на ощупь. Не в силах замедлиться и уж тем более не в силах разъединиться.

Она не знает стыда. Стыда еще нет как понятия, мы первые в мире люди, мы даже не люди, а сгустки материи и энергии, не воплощенные в форме, не обретшие очертаний. Мы проникаем повсюду, впечатываемся так, что моя кожа прорастает в ее кожу. Оплавленные, обгоревшие, оплывшие.

После, когда ее голова покоится у меня на плече и от ночного ветра с кожи улетучивается влага, я хочу рассказать ей. Нет, не всю правду. Но хотя бы ее часть, что-то о себе настоящем. И начинаю с набившего оскомину главного.

– Мария... Я должен кое в чем признаться. Скоро мне придется исчезнуть. И я хочу, чтобы ты знала – это никак не связано с тобой. С нами. Просто я...

– Нет нужды объяснять.

Она встает с кровати стремительно, но при этом легко, движение выходит естественным порывом, а не наигранностью оскорбленного самолюбия. Ей, похоже, действительно не требуются мои объяснения. И пока я осознаю сей удивительный факт, ее уже нет в комнате.

Дневная Мария ничем не напоминает ночную. По-прежнему деловитая, лаконичная, ловко управляющаяся с десятком дел. Она не игнорирует меня, но почти не обращает внимания, как будто нас ничто не связывает. И этим полностью сводит с ума. Мне кажется, что все произошедшее просто привиделось, примерещилось моему истерзанному сменой пространств мозгу. Что вот здесь я и схожу на конечной остановке еще не диагностированной официально шизофрении.

И тогда я принохиваюсь. Сперва к вороту своей рубашки, к собственной коже на груди и предплечьях. Потом отправляюсь в комнату, пробираюсь воровато и там падаю в кровать, трясущую призрачную москитную сеть, ворошу простыни и подушки. Я боюсь поверить, пока запах не становится настолько сильным, что его уже нельзя списать на безумие... Комната пропахла, я сам пропитался им насквозь, я нес на себе незримую печать Марии и готов горланить от радости, оповещая об этом округу. Ее образ восстает из аромата. Наша ночь заперта в этой постели, в этой комнате, и она все еще длится, несмотря на раскалывающий стекла свет.

На ужин заезжает старый сосед-весельчак с ближнего виноградника. Они болтают о сортах, о грядущем урожае и засухе, о прошлой зиме и городских новостях, упоминая с десяток общих знакомых. Я полностью отрезан от этого мира, и сейчас мне это совершенно очевидно. И больно. Уже давно я не был таким отчужденным, как сегодня вечером, и ярость и обида в душе только нарастают от каждой новой шутки, понятной им и непонятной мне. Мария весела и беззаботна, как никогда прежде, и от выпитого вина ее глаза горят ярче. По морщинистому лицу мужчины, заросшему седой щетиной, блуждает добродушная улыбка, и он, желая приобщить меня к общей беседе, рассказывает о родителях Марии, которым раньше принадлежали ее виноградники. Он знает ее с детства, девчушкой, набивавшей рот леденцами на воскресной ярмарке, учившейся давить ногами виноград и волновавшейся перед первым причастием так, что ее вырвало позади церкви. Когда он доходит до описания этой подробности, Мария вдруг ужасно трогательно краснеет, дергает старика за рукав, заставляя умолкнуть, и я хохочу тоже, потому что наконец вижу ее растерянной и смущенной, и это доставляет мне неожиданно острое удовольствие.

Старика несколько не беспокоит, что он поведет машину навеселе. Его грузовичок проседает, когда хозяин садится за руль. Он высовывает раскрытую ладонь в открытое окно в знак прощания и лихо выворачивает на грунтовку, взметнув клубы пыли. И Мария смотрит ему вслед, прямая и неподвижная, пока машину и шум двигателя не проглатывают сумерки. Я мнусь в нескольких метрах позади нее, чувствую, как отяжелевшие от смеха щеки привыкают к спокойствию, и больше всего на свете боюсь, что вот она сейчас обернется, и взгляд у нее станет отчужденный, погрустневший или обреченный. Мы снова вдвоем, и, возможно, она посчитает себя чем-то обязанной мне... Судя по ее поведению, прошлая ночь при свете дня показалась ей ошибкой. И теперь ей надо намекнуть об этом мне... Не надо. Я разворачиваюсь и поспешно направляюсь к сараю, не желая отягощать ее своим присутствием или надобностью выкручиваться. Черт бы побрал ночи с их многозначительностью!

Но я не успеваю. Мягкий топот пяток – свои сабо она так и не надела. Она нагоняет меня и виснет на плечах, как девчонка. Никакой многозначительности, все просто. И благо-разумные мысли тут же сменяются ветром иланг-иланга и вина сорта мальбек.

Три упоительных дня следуют один за другим, нанизываясь бусинами. Три утра происходящее кажется мне сном, три полудня полнятся сомнениями, три полуночи выжигают их без следа. По-прежнему почти ничего не зная о ней, я перестаю размышлять над тем, когда Мария настоящая. Потому что получаю ответ: всегда. У нее на удивление мужская психоло-

гия. Занимаясь делом, она занимается только им и думает только о нем, полностью отдавшись текущему моменту. Ремонтируя прохудившуюся кровлю, мы ремонтируем кровлю, без перемигиваний, шуточек и объятий, и это действие совсем не напоминает то, как бы его показали в какой-нибудь мелодраме. Мы не готовим вместе идиллические завтраки, и мне не надо разыгрывать из себя поглощенного любовью пройдоху. Она не спрашивает, чего мне больше хочется, фасоли или похлебки с бататом, всегда руководствуясь какими-то своими, неозвученными доводами, как справлялась до меня и станет справляться после. Она заводит пикап и уезжает, не отчитываясь передо мной, не посылая воздушных поцелуев и не обещая скорого возвращения. Ее глаза тихи и смотрят в мои без дрожи. Днем. Зато ночами она моя, безраздельно, до самого донышка моя. Не строящая планов на неясное будущее, не требующая обещаний, объяснений, клятв. Не тратающая времени понапрасну, самозабвенная. Одежда соскальзывает с нее от одного движения, как лента с подарка.

Мы так похожи... От этой мысли я чуть не роняю мачете, которым рубил кустарник у дальней ограды. Каждый час мы оба воспринимаем первым и последним, единственным. Таким, каков он и есть в действительности. Мы довольствуемся малым, и возможно, поэтому мы так счастливы три этих дня.

Я просыпаюсь уже на бегу. Мое тело принимает вертикальное положение прежде, чем открываются глаза, и я шпарю что есть сил по обочине и только после этого осознаю себя на новом месте. Мглисто и промозгло, и температура колеблется возле нуля – мелкие лужи, сухие ото льда, большие полны до краев своей жижей. Холод продирает меня до скелета, воздухом обжигает легкие, когда я делаю глубокий вдох, чтобы бежать быстрее: у меня не так много времени.

Все вокруг туго набито синтепоном тумана. Он разрыхляется передо мной максимум метров на сорок, дурачит, прячет окрестности. Но несмотря на это, интуиция на сей раз не подводит, я точно выбрал направление и вскоре оказываюсь на краю деревушки или, может, маленького городка. Его название на жестяном указателе мне незнакомо, но написано по-английски. Проезжающие мимо машины еще больше сужают поле догадок – я где-то в Великобритании. Сейчас не до подробностей, мне холодно, и я ищу укрытие. И стараюсь ни о чем не думать.

Утром в городах люди раздражительны и менее склонны к добросердечности. Нет смысла стучаться в закрытые двери аккуратных домишек, где уважаемые граждане своей страны впихивают в отпрысков завтрак. Я пробегаю тихий район насквозь, не сбавляя темпа, на перекрестке взгляд налево, взгляд направо, сворачиваю по подсказке чутья. Мне очень везет, я замечаю «Скорую помощь», ныряю в проулок и следую за ней до больницы. Здесь, в приемном покое, смешавшись с толпой сопливых и кашляющих англичан, я могу передохнуть и немного согреться, хоть они и смотрят на меня с подозрением: на мне нет верхней одежды. Да, мистер, это долгая история, меня ограбили...

Мне советуют обратиться в полицию и объясняют, как добраться до участка. Нет, все ок, не надо вызывать полисменов, я сам их найду... Под хмурым взглядом охранника я удаляюсь. Снова в липнущую слякоть тумана.

Первая встреченная мною автомастерская слишком хороша, чтобы туда соваться. А вот вторая, между рекой, от которой несет тиной и затхлостью, и кварталом складов и контейнерной стоянкой, как раз что надо. Хозяин, пузатый и не выпускающий изо рта замусоленную незажженную сигарету, согласен взять меня на неделю-другую и платить наличными. Я заверяю его, что, хоть документов у меня и нет, но проблем с законом тоже, и он делает вид, что верит.

Весь день я копаюсь в движках, выпрямляю диски, меняю колодки. Что-что, а это я умею. Даже на обед не прошусь. Босс поглядывает на меня с удовлетворением и хитрецей,

он явно считает себя очень ловким из-за того, что нанял такого спеца за сушие копейки. Ну и пусть себе радуется... К вечеру я прошу денег, и он протягивает несколько бумажек, заявляя, что вообще-то платит работникам за неделю. Я напоминаю ему, что лишился всех вещей, и он сочувственно цокает языком, но не предлагает ни ужина, ни крова.

Нахожу первый попавшийся бар, как раз за углом от мастерской. Райончик тут неза-видный, еще бы, рядом со складами, и публика под стать. Краем глаза замечаю своего босса, тоже зашедшего пропустить стаканчик, но он держится подальше, хотя и видит меня. Сейчас будет хвастаться приятелям, как удачно меня приобрел... Я не трачу ни пенса на еду, только на выпивку, и на голодный желудок скоро хмелею. И вот теперь наступает пауза, которой я так не хотел.

Я хлопаю по стойке, требуя еще виски, и тут же вижу свою руку с подживающим уку-сом. Очень скоро эти красные отметины станут гладкими, розоватыми. Потом они побелеют и превратятся в шрам. Повязка, недавно наложенная на руку, исчезла, как исчезло все, что еще вчера составляло мою жизнь. Проклятье.

Я знал с самого начала. Знал, что уйду, что нельзя привыкать. *К ней*. И из-за этого злюсь на себя еще больше. Изо всех сил нажимаю ногтем на коросту, подцепляю ее и с мрачным торжеством наблюдаю, как из-под корки выступает свежая кровь. Больно. Если прикрыть глаза и отключить в ушах гомон питейного заведения, можно так резко, отчетливо припом-нить все до каждой мелочи, что на мгновение покажется, будто Мария шуршит оберткой стерильного бинта и садится на диван, и диванный пуф проседает рядом со мной под ее ягодицами.

Но нет никакого пуфа, и нет дивана. Есть коричневая стойка, на ней кулак соседа-ирландца, бело-красный, с шелушащимися костяшками, рядом миска с орешками, всюду кисловатый запах, кегли пива в углу, стеклянные бутылки крепкого алкоголя на стеллаже, шарфы футбольных фанов и флаги с зелеными четырехлистниками клевера. Что за команда тут в почете, я не в курсе, спорт для меня давно уже пустой звук, хотя когда-то, в оборвав-шейся шестнадцать лет назад жизни, мне нравилось гонять мяч и мнить себя Диего Мара-доной. А впрочем, какое теперь дело до того, что и когда мне нравилось?

На стойку со стуком опускается стакан с очередной порцией моего горючего янтаря, я киваю бармену и медлю, прежде чем выпить. Это последняя порция на сегодня. Скоро мне придется сваливать, раз пить больше не на что, а за порогом туман давно превратился в мелкий мерзопакостный дождь, который промочит мою рубашу и заберется за шиворот меньше чем за минуту. Здесь, по крайней мере, тепло. Кажется. Но не так тепло, как в другом полушарии в эти мгновения... Наверняка зной вслед за босыми узкими ступнями перебирает ультрамариновую мозаику пола, плиточка за плиточкой...

Я тянусь к стакану и не нахожу его. Отвлёкся. Снова увидел то, чего нет. Ту, чье имя теперь ничего не значит.

Где долбаный стакан? Сосед ставит его на стойку – пустой.

Я фокусируюсь на цилиндре стекла, потом на парне.

Ирландец смотрит с вызовом, издевательски причмокивает. Его лицо покраснело от выпитого джина и не нашедшего выход тестостерона. Он явно нарывается. А на меня вне-запно накатывает серое отчаяние. Я знаю, что Мария потеряна для меня навсегда и с этим ничего не поделать. Не исправить. Незачем быть хорошим, я не хороший. Так что я с насла-ждением бью это красное лицо. И продолжаю метелить, даже когда он упал, а меня хватают за плечи и пытаются оттащить. О, эта быстрота моих кулаков! Ирландец крупнее меня раза в два, но ему не совладать с моей скоростью, я не бью, а жалю, и он не может увернуться ни от одного удара. Его рожа заплывает алым – не акварель, а густое масло, кармин и киноварь – с левой, с правой и еще раз с правой.

Нас как щенков вышвыривают за порог, и холод мгновенно отрезвляет меня. Надо уходить. Я сворачиваю за угол, подальше от разгоряченных парней, желающих продолжения схватки, они, кажется, даже ставки успели озвучить... Ирландец настигает меня в проулке, и, оборачиваясь, я получаю в челюсть, плыву по кирпичной стене. Она наждачкой гладит мой лоб и ладонь. Рука замедляет падение. Стабилизируюсь, увертываясь. И отвечаю. Не знаю, у кого из нас больше опыта по части драк на задах баров между мусорными баками, но мне удастся уделывать его. Он падает в лужу и отключается. Ненадолго, я знаю, и топот бегущих ног велит мне действовать решительно. Я хватаю его куртку и бумажник из бокового кармана потрепанных джинсов и сваливаю.

В куртке тепло, к тому же она с капюшоном, а я бегу. Об ирландце я вспоминаю с нежностью. Наверное, если бы у меня был ангел-хранитель, он выглядел бы именно так: пьяный и задиристый, позволяющий мне отвести душу, выместить на нем все то, что не имеет никакого другого выхода. Без него сейчас было бы совсем худо. А так можно хотя бы бежать.

Этот придурок, как и я, пропил все деньги, содержимого его бумажника мне хватает только на порцию картошки и рыбы в забегаловке в паре кварталов к северу. После этого я швыряю бумажник в лужу и нахожу ночлег в каком-то заброшенном складе возле железнодорожного моста.

Весь следующий день я сижу на складе, устроившись на прогнивших рулонах чего-то, подозрительно напоминающего стекловату. Под ногами шныряют тощие крысы. Насчет автомастерской я не питаю иллюзий, хозяин оценил мои подвиги в баре, кроме того, не хочется встречать своего ирландского ангела, вообще никого не хочу видеть и двигаться не хочу. Из тела медленно уходит тепло, и, только совсем окоченев, я прогуливаюсь под мост и возвращаюсь обратно. Весь день во рту ни крошки. Еда падает с неба в сказках и библейских мифах, на нашей родной Земле ее надо добывать, а я сегодня этого не умею. Пару раз ходил хлебнуть дождевой воды из бочки у ворот склада. Потоки льются в нее с крыши по ржавому водостоку, и вкус соответствующий, но мне по барабану. Сегодня я не забочусь о качестве того, что пью. И если меня прихватит дизентерия, какая кому разница?

Уже за полночь я вылезаю из своей берлоги и снова бреду к бочке. В ней круглым обрывком серебряного полиэтилена плавает луна.

Задрав голову, я пялюсь в несущееся мимо небо, изорванное ночными облаками. Я давно понял, что ошибся тогда, в первый вечер на синей веранде. Месяц над ней был вовсе не стареющий, а растущий. Там, в Южном полушарии, все переставлено с ног на голову, и даже правило букв «Р» и «С» не действует. Тот серп напоминал букву «С», но все равно прибавлял день ото дня. Сегодня полнолуние, городишко покрыт глазурью мороси и ртутного свечения. А все, о чем могу думать я, это Мария, как она обратит свое лицо к луне, одинаковой для нас обоих, ставшей полной уже без меня.

Здесь, в судорогах втягивая ртом и носом пыльный воздух склада, вдоволь наглотавшись запаха дождя, разбавленного аммиаком человеческих отправлений, я решаю никогда больше не вспоминать полосатый гамак на лазоревой веранде, тень от деревьев квебрахо и виноградники до горизонта. Не думать о них, даже если для этого мне придется расшибить башку о косяк.

Я засыпаю, скорчившись под курткой, и снова проваливаюсь.

Следующий месяц я нигде не задерживаюсь подолгу. Всего пара-тройка дней, и я снова на старте. Двенадцать новых городов, два с лишним десятка новых знакомых. Кто они такие, понятия не имею, люди-функции. Паренек «подброшу до поворота», дамочка «вакансий нет», почтальон «ты когда последний раз ел?», напарник «эй, брат, давай покажу, как надо», кассирша «я бы не прочь с тобой пообщаться, если бы не бойфренд». Как-то раз в Миннесоте упитанный пацан в заляпанной кетчупом футболке показывал мне любимую компьютерную

игру. Я так понял, невозможно пройти ее без того, чтобы не встретить нескольких героев и не поговорить с ними: одни дают информацию, у других можно взять полезную вещь. Я тогда восхитился, надо же, все как в моей жизни, персонажи-задачи. Кое-кто поможет, а кое-кто будет вставлять палки в колеса. Потом – оп! – эпизод пройден, автосохранение, и так – пока не кончится игра.

Все сливается для меня в равнодушную череду дней. Собачьи укусы на руке до сих пор толком не зажили – я две недели ежедневно раздирал их ногтями, пока не велел себе прекратить, чтобы не доводить до гангрены. Я исхудал и ослаб, но по-прежнему ищу кров и пропитание, хотя уже не понимаю, зачем мне все это. Вполне возможно, кашель доконает меня. Не проще ли разом прекратить бесцельное существование? Мир ничего не потеряет в тот момент, когда меня не станет, как ничего не приобрел за годы этой странной жизни. Где-то в чужих реальностях люди затевают войны, сидят в офисах с девяти до шести – я знаю об этом только понаслышке. Рельсы железных дорог становятся вдруг на удивление соблазнительны, я думаю, как смачно треснет мой череп, когда по нему проедутся колеса тепловоза. Пока я мою стекла небоскреба в Маниле (большая удача, утверждает низкорослый и кривоногий филиппинец-прораб, здесь вообще туго с работой), какой-то бес сидит на моем плече и шепчет советы, как отстегнуть карабин страховки. Стремительное падение, мне ведь не привыкать к падениям, а потом – хлопок об асфальт, и тишина.

Но я нерешителен. Для самоубийства нужно быть способным на поступок. И хотя некоторые считают это актом трусости, мне кажется, нужно быть довольно смелым человеком, чтобы развернуться на 180 градусов и броситься с объятиями к своему черному варану. Для этого нужна сила воли посильнее, чем удержаться от ночного набега на холодильник – а я слышал, что у многих и с этим-то проблемы. Проще уж бездействовать.

Так я и поступаю, где-то на обочине в Канаде. Пробрасывает снег, когда я снова прихожу в себя и после первого рывка заставляю тело улечься поудобнее и не шевелиться. За насыпью большая автострада, и шум ее напоминает рокот зимнего приюта в скалах.

Что происходит с человеком, умирающим от переохлаждения? Каждую зиму пьянчужки замерзают в сугробах. Наверное, они просто засыпают и уже никогда не встают ото сна. Я пытаюсь сделать так же, заснуть, но мой отдохнувший организм по-библейски требует: встань и иди. «Отвали», – советую я ему по-хорошему. Проходит несколько минут, и внутри заводит непрерывный вой сирена. Чтобы заглушить ее крик, я представляю Марию, пласт размотанного нами вдвоем поблескивающего рубероида на нагретой крыше конюшни, косящую глазом кобылу, с фырканьем опускающую длинную морду в ведро с водой. Капли сворачиваются в пушистые шарики, падая в белую пыль заднего двора. Мотылек неистово бьется в стекло фонаря. У него шерстистые лапки и крылья и при ближайшем рассмотрении довольно зверская морда. Если бы бабочки были размером с людей, они поработили бы нас... Или крысы. Скорее, все-таки крысы. Или тараканы.

Меня начинает потряхивать. Дрожь, говорят, это мышечная реакция тела на остывание, организм пробует согреться независимо от желания человека и посылает в мускулы сигнал, чтобы те сокращались. Довольно невразумительные попытки, скажу я вам. Я бы улыбнулся мстительно, но выходит как-то жалко. Мне холодно, очень холодно. Снег тает на клетчатых рукавах рубашки, оставляя темные следы. Волоски на предплечьях встают дыбом, я похож на ошетилившуюся гориллу. Нет, не похож, любой обезьяне было бы сейчас теплее меня. Человек вопреки расхожему мнению не венец творения, его шкура изрядно полысела и даже не может защитить от холода. Эволюция ослабила нас, заперла в домах с центральным отоплением и электроплитками, и теперь поздно рыпаться и провозглашать себя царем зверей.

Чтобы не вставать, я цепляюсь пальцами за скользкие валуны насыпи, ловя себя на мысли, что неплохо было бы укрыться ими. Якорь на грудь – и ко дну.

Но спустя еще несколько мгновений я снова несусь как полоумный, готовый разрыдаться от злости. Это сильнее меня. Я – ничто, голый инстинкт, которым не властен управлять. Возможно, рычаг управления находится где-то в другом месте и не моя рука двигает его...

Канадский город довольно большой. Я греюсь на подземной парковке, брожу по торговому центру, ворую пальто, беспечно оставленное без присмотра в китайском ресторанчике, и снова выхожу на улицу, пока хозяин пальто не хватился пропажи. Денег, как обычно, не наблюдается, доброхотов тоже. Я жую обеды, чей-то надкусанный бургер, прислонившись спиной к мусорному баку. Да уж, эволюция налицо.

Внезапно тело мое приходит в движение, еще прежде, чем я успеваю сообразить, что случилось. В переулке пустынно, нет никакой опасности, а ведь я привык так реагировать только на физическую угрозу. Волнение все нарастает, сердце долбит в горло и живот. Ветерок снова водит под носом причиной моего оживления, дразнит: пахнет Марией. Мучительный аромат восторга! Мария. Где она? Что она делает в простуженной Канаде?

Вокруг по-прежнему ни души. Я бросаю дважды недоеденный бургер и иду, прикрыв глаза, словно пес по следу. И когда дверь неприметной лавки на углу распаивается, выходящая попутеля, меня почти сбивает с ног мощным аккордом, где запах Марии – главный бас. Вывеска с замысловатым орнаментом, панели темного дерева, колокольчик над дверью, отзывающийся на любое появление треньканьем, статуэтки слонов и мудрецов из сандала и бронзы, холщовые мешки с пряностями, вывернутые, как рукава великоватого свитера; шарфы, платки с золотыми кистями, кинжалы в инкрустированных ножнах, шкафы с резными дверцами, ворох расшитых подушек с тесьмой. И целый стеллаж с крохотными бутылочками масел. Я нахожу нужную, игнорируя приветливость торговца, и откручиваю пробку.

Пока продавец, с восковой оливковой кожей и хлопотливыми глазами, сообщает мне, что масло иланг-иланга замечательно снимает напряжение, борется с бессонницей, лечит кожные болезни и возвращает любовную силу, я освобождаю из флакона капризного джинна, почти вижу, как он струится из узкого стекольного горлышка: у него задумчивые глаза, задающие мне вопрос. Перед ним я беззащитен и так опустошен, что даже не могу вытереть текущие по щекам слезы. Продавец испуганно замолкает.

За следующий месяц я почти овладеваю целой профессией. Куда бы ни забросил меня злокозненный рок, всюду я ищу магазин восточных пряностей и сувениров. Теперь я разбираюсь в сортах масел и пахучих трав, пригождаются даже обширные познания баек и легенд, почерпнутые за годы скитаний по азиатским странам. Хозяев я очаровываю непритязательностью запросов и сговорчивостью, покупатели готовы слушать ахинею, которую я несу про какого-нибудь каменного божка или талисман из обсидиана. Проверить правдивость легенды невозможно в принципе, ведь легенды – не правда, а я по собственному усмотрению меняю имена героев эпоса, смешиваю ацтекские с балийскими в одну, так что давно забытые истории в моих устах вновь становятся живым фольклором. Мне не приходит в голову, что и сам я – отчасти герой легенды. Все довольны. И даже я почти доволен, ведь в любой момент могу подойти к полочке с ароматическими смесями и – *надышаться*. Наверное, это предел той радости, которая мне теперь отведена, о большем я и не смею мечтать.

И сегодня, оказавшись на очередной дороге, я уже привычно размышляю: надо бы отыскать индийскую лавку. И только потом задаюсь вопросом, где я, потому что температура воздуха впервые за долгое время не причиняет мне беспокойства. На улице сухо и жарко.

Но вот я различаю испанскую речь и замираю. Стоянка дальнотойщиков. Несколько фур с выключенными моторами и распахнутыми дверцами кабин. Под навесом трое мужиков в несвежих майках режут в перудо, и игральные кости со стуком рассыпаются по затертой столешнице.

Я верчу головой, стараясь собрать максимум сведений из увиденной картины. Автомобильные номера двух фур – боливийские, на борту третьей я вижу название фирмы и адрес офиса в Неукене. Мое сердце поскальзывается на банановой шкурке надежды.

Дальнобойщики смотрят с прищуром. Жара разморила их, и даже игра не вызывает должного азарта, они лениво перебрасываются фразами, почесываются, курят. Появление такого чудака, как я, вносит приятное разнообразие. Я вежливо и без трепета здороваюсь – при приветствии важно показать дружелюбный настрой, не дав слабину. Озвучиваю историю вероломного ограбления. Я повторял ее так часто, что она стала истинной, даже если никогда не происходила. Сажусь играть в перудо. Лысый аргентинец – у него волосы курчавятся кружком, по периметру наподобие тонзуры католического монаха – готов дать в долг несколько песо, мне везет, и в течение часа эта сумма увеличивается в несколько раз. Парни даже не очень обижаются: проигрывать в кости тому, кого недавно ободрали как липку и выкинули в кусты, сродни благотворительности. За болтовней я осторожно выведываю, кто куда направляется. Наше местоположение до сих пор представляется очень смутно. Тогда аргентинец с тонзурой приносит из кабины своего грузовика карту и разглаживает ее на колене, тыкает мясистым пальцем в несколько точек.

– Мы вот здесь. Днем буду на границе, а потом на юг, домой, в Неукен. Жена заждалась. Не любит, когда меня долго нет, выдумывает себе не пойми чего. Ревнивая – жуть. У тебя-то есть женщина?

Спазм схватывает горло, и приходится хорошенько откашляться. Всеми виной сухость пустыни... Да, у меня есть женщина, по крайней мере *была*, и нам с ним явно по пути. Торопливо пересчитывая расстояние с учетом масштаба, я получаю число: 2700 километров. Всего-то! Перечная сладость надежды с начинкой обреченности: я могу успеть, если постараться. Обеими ладонями сдвигаю ворох купюр и монет к нему.

В фуре опущены стекла, и ветер бьет по лицу наотмашь. Мне нравится его упругая свирепость, она дает подтверждение тому, от чего и так вибрирует каждая клеточка тела: быстрое перемещение в пространстве. Мелькают встречные машины, пыль столбом. Из признательности я поддерживаю беседу, и аргентинец, сперва поведав о путешествиях (он исколесил вдоль и поперек всю Аргентину и Боливию с Уругваем и считает себя путешественником), переходит к многословному описанию родственников. Он рассуждает о том, что семья – главная ценность и, как бы ни были порой докучливы его домочадцы, это все, что ему надо. Не Бог весть какой глубины мысль, я слышал ее уже сотню раз, и всегда она кажется большим преувеличением. Потому что я знаю, что семья для выживания не обязательна. У меня ведь тоже когда-то была семья. Ну хорошо, не семья, но мать.

Мама... Как она пережила мое исчезновение? Через неделю после восемнадцатого своего дня рождения я заснул в кровати, в нашей крохотной квартирке на седьмом этаже. Засыпая, я чувствовал запах жареной курицы, которую мы ели на ужин, слышал, как у соседей плачет младенец и с топотом носится собака, а на письменном столе высилась стопка учебников и конспектов к завтрашним парам в институте. А через мгновение я открыл глаза на каменистой дороге, карабкающейся на гребень холма, и мне, перепуганному и ничего не понимающему, открылся вид на море, все в завитых беспокойных барашках пены, и деревушку. Серые каменные дома, затянутые живописным мхом. Западный Корнуолл, да, это было там. С тех пор маму свою я никогда не видел и не знаю, что с ней случилось.

Сначала я пытался понять... Думал, что надо как-то дать ей знать, что я жив и со мной все в порядке, если только это можно так назвать. Но на следующее утро меня закинуло в Буркина-Фасо (даже не знал, что есть такое государство, пока не оказался там во плоти), и в тамошней глуши не было ни телефона, ни почты, еще через два дня я был в сорока милях от Канберры. И тогда пришло горькое осознание, что это безумие и не собирается кончаться. Что я мог сказать матери в оправдание? Если бы я даже отправил весточку, то что

в ней писать? Не имея возможности хоть как-то объясниться, не натолкнув на подозрения о душевной болезни. Я не смог. Поклялся, что, если это когда-нибудь закончится, я вернусь и все расскажу. Или – если меня занесет случайно в родные края. Но этого так и не случилось, а мое проклятие так и не рассеялось... Смогла ли она пережить исчезновение ребенка, в котором души не чаяла? Она всегда любила меня болезненно, мнительно и иногда панически, боясь и, вероятно, предчувствуя, что я брошу ее, как когда-то поступил мой отец. Видит Бог, я не хотел. Если горе не свело ее в могилу, она наверняка постарела раньше положенного срока и все еще ждет меня, обречена ждать вечно. Как какая-нибудь королева из сказки, что сидит в светелке у окна, дожидаясь короля из похода, выискивая вдали знакомые, реюющие на ветру стяги. Когда-то я утешал себя тем, что по прошествии лет она забудет и смиритесь, но житейский опыт подсказывает мне, что забывают все, кроме матерей, такие уж они. Мама... Тоже человек-функция, одна-единственная функция: ждать.

Аргентинец допытывается, как я собираюсь пересекать границу. Я растерян. Верите ли, мне ни разу в жизни не доводилось этого. В детстве путешествовать не позволяла бедность, а сейчас, без документов, границы закрыты для меня, хотя на свете нет никого более свободного и неудержимого. При этом до сего дня никогда еще мне не нужно было настолько «позарез» на другую сторону. Я выпрашиваю у своего попутчика, как вообще обстоят дела. Если я пересеку ее в неположенном месте, в меня будут стрелять? Он с хохотом кладет за щеку еще один болотно-зеленый листочек коки: друг, это ж Боливия! Мол, перейти пешком можно где угодно, был бы паспорт в порядке, и визу можно купить на границе – только очередь за печатью там немилосердная, с обеих сторон в малюсенькую комнатку со взмокшим пограничником. Я говорю, что штамп мне ни к чему, скромно умалчивая, что и ставить мне его некуда, разве что на лоб. Аргентинец предлагает высадить меня у границы, а потом подхватить на краю приграничного поселения, по ту сторону, когда его фура пройдет досмотр у таможенников. Тут полно контрабандистов, которые бед не знают, чертыхается мой знакомец, а приличным людям приходится тратить уйму времени, пока их машины перетряхивают сверху донизу.

Ему звонит жена. Через минуту разговора он уже во все горло орет на нее, и из трубки доносятся визгливые взлеты интонаций. Уверен, эта женщина тоже считает семью главной ценностью в жизни.

День уже давно перевалил за половину, когда на границе мы расходимся навсегда: я не могу стоять на месте, мне нужно двигаться, я тороплюсь, в этот раз как никогда. Улучив момент, я краду у моего аргентинца карту и сую под рубашку, за пояс. Он бы мне все равно ее не продал...

От листьев коки немеет язык и щека. Вкус так себе, но свою работу они выполняют – не дают мне уснуть. Вот уже вторые сутки, как я очнулся неподалеку от стоянки дальнотбойщиков. Я твердо решил не спать, пока не доберусь до своей цели – не хватало еще провалиться куда-нибудь в Малайзию или Фиджи.

Товарняк несет меня на юг. Говорят, пассажирского сообщения тут нет вовсе, хотя моих сбережений все равно хватило лишь на пару кукурузных лепешек с оливками и бутылку воды. Я заскочил на подножку поезда на переезде, когда товарняк сбросил скорость, и спустя час нашел способ забраться повыше, в вагон без крыши, наполовину груженный стройматериалами, бетонными блоками и мешками с какой-то очень вонючей дрянью. Химикаты, вот это мило... Мне не до удобств, и, хотя прислониться или прилечь здесь абсолютно не на что, все одинаково твердо как камень, я не жалуясь. Да я счастлив! На границе никому до меня не было дела, все люди покрылись суматохой, окликая друг друга, волоча чемоданы с пожитками или тележки с фруктами. Пестрая толпа, широкие, как подгоревшие блины, индейские лица, темная кожа, острые хвоинки глаз, болтающиеся косички с яркими шнурками и бусинами. Нечистые ногти на руках. Гомон, топот, причитания женщин, гоготание

мужчин, детский рев и падающие в пыль булочки из тапиоки. Улыбчивые собаки с выступающими ребрами и глуповатыми глазами, колотящие хвостом по земле в надежде выпросить угощение. Я привык проходить человеческие сборища насквозь, не вникая и не оставляя в них себя, но эта толпа на аргентинско-боливийской границе въелась в меня, все еще едет во мне. Я не против, впечатления не дают поддаться усталости – и сомнениям.

Конечно, я сомневаюсь. Более того, я боюсь до того, что живот скручивает и хочется в туалет, я едва терплю. Что, что я ей скажу? Упаду в ноги? А если она выставит меня за порог? А если не узнает с первого взгляда? Не знаю, что хуже. Скользнет глазами равнодушно, потом присмотрится повнимательнее: «А, это ты...» Мы были знакомы с ней так недолго, и то лишь отчасти. Она кажется мне родной, это потому, что не было и дня, чтобы я не мечтал о ней, не говорил с ней мысленно, но с ее стороны все может выглядеть совершенно иначе! А если дверь мне откроет мужчина, ее мужчина... Меня не было два месяца, и она не клялась мне в любви до гроба. Зачем я вообще туда еду? Ведь я обречен!

Попросить прощения, убеждаю я себя. Просто увидеть ее еще раз, попросить прощения за свое исчезновение и поблагодарить за гостеприимство. «Гостеприимство»? Браво! Совсем ты уже из ума выжил... Нет более неподходящего слова для того, что объединяло нас. Или... это только мне так кажется? Я ведь ничегошеньки о ней не знаю. С чего я решил, что ей нужны мои извинения, мое новое появление? Ведь по-хорошему надо просто оставить ее в покое. К чему такие мучения? Забыть было бы намного проще.

Меня словно на части раздирает, я раскалываюсь на несколько отдельных личностей, и каждая трещит и отстаивает свою правоту. Идти до конца! Нет, спрыгнуть на насыпь прямо сейчас, заснуть и очнуться на другом конце мира! Нет, добраться до Марии, постоять в теничке и убедиться незаметно, что с нею все в порядке, а потом уйти, так никем и не замеченным. Ага, еще бы псину заставить помолчать и не гавкать... Я бы с удовольствием вновь подставил ей свою руку на съедение, тогда у меня был хотя бы еще один шрам на память...

Карта с истертыми, прозрачными от старости сгибами. Изучаю ее, слежу, не свернем ли куда. Смеркается. Из-за шума поезда не слышно других звуков, все вокруг монотонно, и пейзаж все больше тонет во мраке, не давая мне зацепиться за него своим вниманием. Не сплю, не смыкаю глаз.

– Не спать, не спать, не спать, не спать, не спать, не спать, не спать...

Эффект обратный.

При одной мысли, что могу задремать, желудок сворачивается от тошноты. Нет, только не сейчас.

Сверяюсь с картой последний раз в эти сутки – потом будет не разглядеть. Через пару часов полустанок, а после него развилка. Поезд пойдет дальше, потому что вторая ветка тупиковая, отмеченная на карте как недостроенная часть путей.

Стук колес убаюкивает. Тук-тук, тук-тук. Нет, только не спать. Слишком много пройдено, я так близко к заветной цели. Ненадолго прикрыть глаза – и я вижу Марию, ждущую меня на веранде. Она улыбается. Улыбается? Святая женщина, после моего исчезновения я мог надеяться только на пощечину. Или слезы, холодное молчание. Ее улыбка сияет ярче фонарей на автостраде...

Меня прошибает пот. Ужас сковывает мускулы, рука затекла, она словно чужая, даже мурашек не ощущаю. Я пытаюсь приподняться на локте в предрассветной мгле и не сразу понимаю, где я. От тишины звенит в барабанных перепонках, как на глубине. Господи, Мария! Я вскакиваю и больно ударяюсь коленом об угол блока.

По-прежнему товарный поезд. Какой олух – как я мог уснуть? Почему мы не движемся? Никакой платформы и станции. Утро сворачивает звездное небо в рулон – я проспал всю ночь. Щеки чешутся от щетины. И тут я догадываюсь, что поезд стоит в тупике. Я проспал развилку, она была много часов назад. Состав пригнали на недостроенную часть

путей: наверняка контрабандисты и их делишки. Лихорадочно разворачиваю карту, надрывая посередине. Стон вырывается из груди, отчаяние и злость, я готов убить себя. Такой крюк! Придется возвращаться. Или идти напрямую через равнину, по которой даже дорог не проложено. Сколько я потрачу на это времени? У меня нет сил думать, я выбрасываю свое тело вниз, на осыпающийся щебнем склон железнодорожных путей и иду.

Я иду весь день.

Под атомным реактором палящего солнца, которое разгорается в нестерпимой лазури. Ноги уже не чувствуют усталости, словно не мои, какие-то каучуковые. Куцая растительность, от собственной жестокости поросшая колючками. В полдень вижу в сотне метров от себя пуму, которая выслеживает добычу, припав к вытравленной белесой земле. Мне нечем защищать себя, кроме кулаков. Я готов биться. Но кошка исчезает, привлеченная кем-то другим.

Я иду всю ночь.

Звезды не помогают мне в навигации, я не большой ее знаток, особенно здесь, далеко за экватором. И Полярная звезда не ведет меня – здесь ее нет. Но что-то внутри меня, полноводное, увлекает своим течением, и я всего лишь щепка, которой не надо ничего выбирать и решать.

Снова день. Не заметил, как он наступил. Вода в бутылке кончилась, хотя я и делал по короткому глотку, и то изредка. Все это неважно, но что действительно имеет значение – это пыль вдаль. Я таращусь на желтое облако изъеденными жаждой глазами, ничего не соображая. Потом до меня доходит: машина! Не знаю, дорога там или нет, но бегу что есть сил. Да, дорога. Задники мокасин почему-то липнут к пяткам, и, опустив голову, я вижу, что обувь скользит по крови от лопнувших мозолей, по крови и какой-то прозрачной жидкости. И тут же огоньками вспыхивает боль, так, что я морщусь. Ничего не поделать, реалии моей жизни, не первый раз и не последний... Автомобиль давно растаял в раскаленном мареве, но от него у меня хотя бы осталось шоссе. Всевышний смиловился и снял палец с кнопки «пауза», на которой меня заело. Уже через десять минут меня подбирают студенты, путешествующие до Патагонии. Американцы, довольные и белозубые. Представляю, какое жалкое впечатление я сейчас произвожу, но стараюсь быть благодарным: все-таки они притормозили, а не прибавили газу. Непуганые балованные дети.

Я считаю мили. С заднего сиденья мне виден спидометр, на котором перекручивается барабан со счетчиком. Только бы она была дома. Я не засну, пока не доберусь до Марии, даже если меня накачают снотворным. Пока у меня есть ноги, я буду двигаться в ее сторону, а если их ампутируют, я поползу.

Американка в коротких шортиках протягивает мне калабас с горьким остывшим мате. Не думаю, что она будет пить после меня.

– Допивайте, если хотите, мне уже достаточно, – подтверждает она мою догадку, стараясь быть милой.

Я с хлюпаньем втягиваю жидкость, и она холодно прокатывается по слипшемуся пище-воду.

Их навигатор не работает в такой глуши, но ребята запаслись атласами дорог, куда более подробными, чем моя карта-старушка. Вот городок, в который Мария ездит за покупками. Я указываю на название. Американка сообщает, что они сворачивают милях в трех до него и готовы высадить меня на последнем перекрестке.

Я воспрянул духом и травлю байки о путешествиях, стараясь не думать об изнуряющей боли, постепенно прибирающей меня к рукам. Ловлю на себе изменившийся девичий взгляд сбоку и хмурый – спереди, от зеркала заднего вида. Парнишка явно ревнует. Да, американку заводит дух дороги, что исходит от меня и не исходит от ее мытого друга. Он новичок, а я бывалый. А она женщина, такая же, как все. Но мне, однако, лучше заткнуться, чтобы не

испытывать судьбу. В конце концов, мне не нужно ее вожеление, мне нужно, чтобы серые мили все так же послушно ложились под их автомобиль.

Прощаемся на обещанном перекрестке. Им на восток, мне на юг. Девчонка жмет руку, и в ладони у меня остается скомканный, размером с горошину, листочек из блокнота. Весь в бахrome от пружинной сцепки, на которой держался еще недавно. Карандашные цифры номера мобильного, хвостик у пятерки почти прорвал бумагу – наверное, торопилась, писала на коленке, заглянув в туалетную кабинку на заправке. Что в голове у этой сумасбродки, если она дает номер телефона оборванцу в лохмотьях? Безумица...

Я улыбаюсь, машу рукой, она высовывается из окна и кричит что-то веселое, бессмыслицу, потому что я уже не разбираю слов на английском. В моей голове сработал языковой рубильник, и все наречия, кроме испанского, меркнут, как выключившиеся лампочки-диоды. Бумажка вновь превращается в смятый комок, и тот задорно скачет по полоске дорожной пыли, подгоняемый ветерком.

Мокасины прилипли, присохли, отодрать их получится только с кожей. Я представляю, где именно буду это делать, и с энтузиазмом чуть не бросаюсь вприпрыжку. Тут же с оханьем замедляюсь и дальше уже переставляю ноги, шаркая по-стариковски. Бедная Мария, зачем я ей нужен?

Не нужен.

И вот наконец – в бреду или по правде? – знакомый поворот. Даже если бы там стояла неоновая вывеска с пульсирующей стрелкой, это не заставило бы мое сердце биться чаще. Чаще – уже невозможно. Сто метров, семьдесят четыре, сорок три, двадцать... Мне все же удалось добраться, хотя это так же невозможно, как прыгнуть с парашютом из стратосферы и приземлиться, попав ногами в заранее оставленные у шезлонга сланцы.

Мария видит меня сразу, в тот самый момент, когда я вижу ее. Осунувшуюся, с поху-девшими руками. Бесконечный короткий миг, когда по ее лицу пробегает тень, словно солнце закрылось облаком, хотя я проверял – оно чисто. Густо-синее, как веранда, с которой она выскакивает в жаркое кружево света.

Сила злобно рычит и скалится на кровь, на меня.

Таз теплой воды, снова перекись. На счет «три» отдираемая ткань обуви, и сразу – горячие струйки сукровицы по ступням. Иланг-иланг все-таки лучше аспирина, я вдыхаю его ртом и носом, как эфирный наркоз. Нервное напряжение, заживление ран, любовная сила – так, кажется?... Мария обмывает мои ноги, все еще ни о чем не спросив. И вдруг, безо всякой видимой причины, она захлестывает меня, неумолимая волна цунами по имени Мария.

Когда мы приходим в себя, за окном с неба на землю разливается звездный гудрон, затекая в окно и двери. Сегодня нет вина, только вода в графине на столике. Я встаю, чтобы попить, и, не ощущая боли в ногах, гляжу на темнеющие очертания этой молчаливой женщины в белой мятости простыней.

Я хочу сказать так много. Объяснить, оправдаться. Но не могу выдавить из себя ни слова. Господи, чуть позже, через часок, только бы насладиться этой благословенной минутой... Воздух густеет, как перед грозой.

– Спи, – говорит она мне на ухо. Приказ, не просьба. И я сплю.

И падаю.

Не могу говорить. Не могу думать. Рот и череп набиты трухой.

Я снова где-то. Где-то в одном из миллионов мест, где быть мне не надо, и все-таки я здесь, а не – там.

Из забрызганного зеркала на заправке, куда я добрел не помню как, смотрит одичалое существо, потерявшее все признаки человечности. Особенно мало ее в моих глазах. Близо-рукие люди, занятые своими заботами, замечают лишь внешнее, снова клетчатую рубашку,

снова чистые мокасины. Им безразлично, что в эту повседневную одежду принарядилась безнадежность. Я – сверхмаленькая черная дыра.

Я ненавижу людей, сегодня совершенно отчетливо и ярко. Их болтовню, их смех, их мимолетные касания, объятия. Из-за угла я рассматриваю среднестатистическую семью, остановившуюся перевести дух на одной из заправочных станций Среднего Запада. Женщина, мужчина, мальчик, девочка. Раздраженные замечания жены, ябедничанье дочки и намотанная на ее палец нитка жевательной резинки, наушники плеера, не вынимаемые сыном из ушей даже во время краткой стычки, козырек бейсболки, затеняющий скучные глаза отца семейства. Хочется подойти, ткнуть каждого по очереди рожей в капот, заломить руки и заставить прямо здесь признать, как хороша их жизнь. Как она счастлива, как идеальна.

Жена решает сбегать детей и отправляет в магазин за сладостями. Пока за стеклом брат с сестрой бродят мимо стоек с шоколадом и чипсами, женщина вдруг склоняется к мужу и целует его в губы мимолетным и ласковым, привычным поцелуем супруги с большим стажем. И в этот момент я начинаю ненавидеть людей в три раза сильнее, чем секунду назад. Даже в глазах темнеет. Что со мной не так? Почему *им можно*, а мне нельзя?

Как-то незаметно наступает «потом». Я уже заработал пару долларов, забытое искусство починки движков – вместо индийских лавок всякой всячины. Меня обступает американский городок с десятью тысячами жителей и десятью тысячами жизней, непрерывных, как бечевка в мотках, не то что моя. И вот я осознаю себя сидящим, в ногах гуденье и пощипывание, ягодицы пересчитывают четыре дощечки, сколоченные вместе: я пишу письмо для Марии, сидя на скамейке в парке. Клены издевательски машут ладонями листьям. Семейные пары с колясками и бегуны в кроссовках мешают подобрать нужные слова. Я начинаю письмо вот уже восьмой раз и снова комкаю и швыряю в урну. Это выходит жалко. Я жалок. Мало того, что я не знаю, как сказать все, что меня тревожит, – я еще и испанским владею только на уровне разговора. Читать малограмотное письмо от сходящего с ума человека – бедная Мария!

Но дело сделано. На закате опускаю письмо в ящик, стоящий неподалеку от административного здания с башней и часами, и долго прислушиваюсь к себе. В ушах нарастает гул крови, мозг обтачивает алмазная пыль сомнений, пока не стирает его до крохотного огрызка... Через час возвращаюсь, уже с кувалдой, и разношу почтовый ящик к чертям собачьим, чтобы забрать свой конверт: хорошо, что ни у нее, ни у меня нет интернета, откуда письма не возвращаются, как души с того света.

Мне кажется, что за мной следят, от самой ратуши до берега реки, где я предаюсь унынию. Верчу головой. От ствола дерева отделяется тень и делает несколько шагов.

– Я давно за тобой наблюдаю. От ящика.

Ему лет тридцать с небольшим. Перстень с черным камнем, недобрые зеленые глаза колдуна. Брюнет со вкрадчивыми манерами и хорошими мускулами: не раскоченный, а сухой. Он не похож на расслабленных местных, в нем есть сжатая пружина. Этим он напоминает меня, а значит, мне он не нравится.

– Безвыходность порой душит лучших из нас...

Я не настроен философствовать, и незнакомец мгновенно понимает, что рискует получить в морду, если продолжит болтать «за жизнь». Он с улыбкой присаживается рядом со мной, поддернув штанины, и закуривает, приступая к главному:

– Хочешь подзаработать?

– Надо кого-то убить? – обыденно отзываюсь я. По его физиономии и ровному ряду обнажившихся зубов я понимаю две вещи: первое – ему нравится незатейливый юмор, за который он принял вопрос, и второе – я и не думал шутить. Если за заказное убийство мне

дадут денег и суммы хватит, чтобы без документов добраться до Марии, я сделаю это без сомнений. Сегодня я легкая добыча для любого искушения, явившегося из сумерек.

Так через три дня мы становимся поделщиками. Не зная моего имени, он дает мне в руки пистолет. Высшая степень доверия между мужчинами. Не знаю, чем изначально привлек его внимание, хотя и догадываюсь, что решающее слово сказало, проорало мое отчаяние, заметное любому, кто видит дальше своего носа. Время идти ва-банк. И когда руки ощущают прохладный металл оружия, что-то внутри смещается с осей и начинает идти по-другому.

Он – голова, а я толковый исполнитель, роли расписаны. Ему нравится, что я так хладнокровен, еще бы, ничто больше не может вывести меня из состояния выдержанного безразличия. Есть только один человек, способный на это. Ну а в остатке моего многостороннего опыта хватает, чтобы относиться к любому рискованному предприятию бесстрастно: если ты космонавт, перспектива лететь через Атлантику не пугает. Тем более когда вовсе не уверен, состоится ли рейс.

Никогда прежде не бывал в ювелирном магазине, а теперь мне предстоит его ограбить. С кино это не имеет ничего общего: в заштатном городишке не выставляют на продажу редких бриллиантов, сигнализация отметила свой десятый день рождения и срабатывала лишь раз, когда кнопку случайно задела грязной тряпкой уборщица, а единственный охранник тучен и страдает одышкой. И продавщица – не модель, а простая смертная, разведенная, лет сорока, жалобная и разочарованная, которой до ужаса обрыдло пялиться на драгоценности и не иметь возможности в них нарядиться, а больше этого наскучила посредственная и затхлая жизнь вместо фейерверка приключений и заоблачной любви, о которых она грезилась в старшей школе. Несколько ласковых слов и распитой в ресторане бутылки достаточно, чтобы она провела ночь с моим знакомым и все выболтала. Если мужчину можно приманить конкретикой (взять хотя бы меня – процентная доля оговорена в первый же вечер), то женщина ведется только на радужную картинку грядущей мечты, где мало деталей и туманные пятна можно заполнить собственными фантазиями, на которые так талантливо неугомонное женское воображение.

Все сразу пошло не так, как надо. И в том, что случилось, виноват я.

Потому что именно я видел в глазах одышливого охранника огонек глупой отваги. Я, так хорошо читающий людей с первого взгляда, должен был сообразить. Но отмахнулся от него, как от блохи.

Но главное – я отвлекся. Позволил чувствам взять верх. Бывают моменты, когда жизнь несет настолько стремительно, что требует полного внимания. Это как сплавляться на байдарке по горной реке, как объезжать дикую лошадь. Нельзя ослабить контроль над ситуацией. Напарник велел мне стрелять, если кто-то будет валять дурака. Геройствовать. Стрелять при малейшем предчувствии – он знал, у меня с этим проблем не будет. Мария, дорога к ней, цель моя – мотивировка достаточная. Никаких колебаний перед выстрелом.

Я не колебался. Я отвлекся. Брюнет мне доверял, а я замер на секунду. Ближайшая витрина от меня – с обручальными кольцами. Одно из таких колец покачивается на нежной плоти карамельной груди. Что подумала бы Мария, увидев меня сейчас? Ограбление было бы прощено, а вот выстрел в человека? Я не хотел, чтобы на моих руках остались порох и кровь. С большим удовольствием я бы выбрал одно из колец на черных подушечках под сияющим стеклом.

И тогда все полетело в тартарары. Порох и кровь.

Я видел, как моего напарника подстрелили. Сумка полна драгоценностей, безвкусных дорогих побрякушек, браслетов и цепочек, и, когда он падал, споткнувшись, носом вперед, несколько золотистых змеек выскользнули на асфальт и безжизненно там свернулись.

Укрываясь за углом бетонного ограждения, я расстрелял всю обойму – это от неопытности. Брюнет лежал в паре метров от меня, с выпученными глазами, на губах пенилась свекольная кровь. Мне хотелось, чтобы кровь была чистой, красной, а не этой грязно-бурой пеной... Потому что этого цвета была моя вина перед ним. Он скреб пальцами по земле и силился сказать мое имя. Но имя было вымышленным, и я едва не поправил его.

Я знаю, что должен был взвалить его на плечо и поволочь к машине. Так делают товарищи, приятели, друзья. Те, кто вышел на дело вместе. А ведь «вместе» – слово, смысл которого ускользает от меня... Всего каких-то десять шагов. Мы бы успели. Но вместо этого мои руки сами нащупали жесткие, как стропы парашюта, ручки спортивной сумки с уловом. И я побежал к машине один. Помню, я еще удивился, что в дневном свете бриллианты и сапфиры блестят далеко не так нестерпимо, как в электрическом. Эта мысль и сейчас навязчиво кружится в голове, не давая покоя. Когда я закрываю глаза, перед ними тут же встают подвески с драгоценными камнями, тусклые и невыразительные при свете улицы.

Идет пятьдесят третий день моего заключения. Шестьдесят дней с моего последнего провала, шестьдесят дней с того мгновения, когда Мария прошептала «спи». И кажется, мое проклятие снято. Иначе почему я все еще здесь?

Я не уверен. Но так долго сидеть на одном месте мне еще не приходилось, и с каждым новым утром мне все тоскливее, все страшнее и хуже. Рассвет наполняется моим ненастоящим именем, выпорхнувшим из мертвого рта. Как во время отека легких кровавая пена вытесняет из них весь воздух, так и из моей жизни кровавая пена вытесняет Марию.

Шестьдесят дней! И каждый из них мог быть проведен в другом месте. Если бы только... Если бы. Черт.

Сокамерники считают меня немым. Я пальцами показал им, что не могу говорить, и они почти перестали замечать меня, лишь пару раз пришлось применить силу, чтобы не особо нагнели. Я здесь так долго, что занимаю уже определенное место в человеческой иерархии – чего не было со школы. Всею виной непрерывность времени и пространства. Мир вокруг оказывается очень болезненным. У меня такое ощущение, что я начал жить заново, на какой-то другой планете. Реальной. Которая населена не роботами, а людьми, и я совершенно растерян. Это тревожит меня. Безразличие, предприимчивость, опыт, даже сон – мои прежние спутники предали меня окончательно. В горле постоянно стоит комок, который трудно проглотить, он разросся, будто опухоль, и от этого сложно дышать.

На допросах я молчу.

Сурдоязык тут не нужен, стоит мне начать объясняться на пальцах, как следователь откопает где-нибудь переводчика. Это не требуется, мне нечего сказать. Они не знают ничего обо мне, я не сказал ни слова на допросах, но, вероятно, наивно полагать, что меня выпустят только потому, что в полиции не знают моего имени? Наверняка имеется какой-то судебный прецедент, и до меня существовали безымянные преступники, как существуют неопознанные трупы: их называют в этой стране Джон Доу. Видимо, и мне такое имя сгодится. Крайней попыткой добиться от меня информации становится свидание с братом моего погибшего подельника. Они надеются, что я раскроюсь. Я продолжаю молчать, пока темноволосый парень, в ком так заметны родственные черты, дышит в кислородную маску и говорит о брате:

– Он сказал, что добудет денег на операцию, и ушел. Я просил его не влипать в истории хотя бы в виде исключения. Он же вечно... ну, не играет по правилам. И он улыбнулся: «О'кей, брат, не буду». Скажи – только скажи честно, мне надо знать, – он умер сразу?

Парень, которому осталась пара месяцев и который, судя по пепельной коже и спекшимся губам, знает все о боли, спрашивает у меня, не страдал ли брат перед смертью. Перед той самой, в которой виноват я. Мне нечего ему ответить. Я смотрю на него и понимаю только то, что скоро вина моя удвоится.

После отбоя, когда гаснет свет, я сижу на полу, вцепившись в прутья клетки, и реву как девочка, и только ночь смотрит на меня во все глаза из дальнего конца кафельного коридора.

Взрыв и автоматная очередь. Инстинкт придавливает меня к земле в момент пробуждения. В ноздри лезет запах горелых покрышек, высокое небо над пустыней заволокло черным дымом.

Это самая окраина брошенного города. Все желтое от пыли и песка, и глинобитные домики вросли в землю и зияют дырами от артобстрела. Я лежу в углублении наподобие рва, что тянется вдоль грунтовой дороги, и метрах в пятидесяти от нее догорает армейский «Хаммер». Я угадываю обугленные очертания водителя и, сдерживая тошноту, лихорадочно озираюсь. Второй «Хаммер», видимо, отбросило взрывом, перевернутый и искореженный, он похож на чудом уцелевший, но тронутый гниением зуб старческого рта. Внутри него – шевеление, и я ползу к нему, глотая песочную пыль.

Система внутренней безопасности требует, чтобы я тащился в другую сторону, укрыться в крайнем домишке у обочины. Но я заставляю себя ползти дальше, к автомобилю.

Там копошатся двое солдат. Голова третьего свернута под немыслимым углом, ему уже не помочь. Но этих двоих можно спасти.

– Мамочка, мамочка, – стонет один из солдат. Из бедра торчит металлический штырь, а лицо перемазано сажей и усеяно рыжими пятнами. Нужно пару секунд, чтобы сообразить, что это веснушки.

– Эй-эй, свои! – предупреждаю я. – Давайте-ка выбираться отсюда.

Второй, с торчащими из-под съехавшей каски большими ушами, помогает ему вылезти. О бронированный бок машины с визгом ударяются пули, и только потом раздаются хлопки выстрела. Нас обстреливают из засады.

Я знаю, что больше не могу доверять своему инстинкту: он велит спастись мне одному, а я решил иначе. Теперь я – *вместе* с этими ребятами. И пока я тяну на себе раненого, лопоухий прикрывает нас огнем и ползет следом. Мне очень хочется стать маленьким, чтобы все это оказалось лишь игрой в войнушку, которую вот-вот прервет мамин оклик из окна: «Закругляйся! Пора обедать!» На деле все снова оказывается слишком уж по-настоящему.

Комнаты занесены пылью, битое стекло хрустит, стены покрыты копотью от когда-то попавшего сюда снаряда. Я перетягиваю ногу раненого парня женским шарфом.

– Есть шанс, что вернутся наши? – Мне приходится орать, потому что лопоухий плохо слышит. Откуда во мне родилось это слово? «Наши»...

– Да! Да, есть! Нужна рация!

Я без дальнейших объяснений понимаю, что рация осталась в «Хаммере».

«Их можно бросить», – шепчет мне кто-то, и я почти вижу призрак брюнета с глазами колдуна. Он улыбается белозубо и беззаботно, как в вечер нашего знакомства. Его появления мне достаточно. Я выхожу на улицу и снова ползу. Вероятнее всего, мне не добратся сюда вновь, я знаю это.

Каждый метр дается с трудом. Песок остро вдавливается в локти, ткань рубашки уже протерлась. Я чувствую себя на прицеле. Мой варан готов получить заслуженную добычу. Но еще несколько пуль пролетает мимо. Если бы в засаде сидел снайпер, все было бы кончено. Но там только автоматчик, и малюсенький шанс выжить у меня еще имеется.

Зачем все это? Можно было сидеть под прикрытием стен и ждать темноты, нового провала... Кто мне два этих паренька? Они сами ввязались в свою смертельную войнушку, при чем здесь моя жизнь? Какая мне выгода?

Аптечка, рация, патроны. На обратном пути рядом с моим лицом брызгают фонтанчики от пуль, угодивших в песок. Часть меня хочет, чтобы сейчас все и оборвалось. Но вон в том доме ждут двое, кому я нужен. Без меня им не выжить. И я доползаю.

Во время перевязки веснушчатый выныривает из забытья и улыбается мне блеклыми глазами:

– Ты же мой ангел?.. Мне показалось...

– Все мы чьи-то ангелы. Или демоны. Молчи, не трать силы.

По рации нам обещают вертушку и поддержку с воздуха, лопухий передает координаты. Я каждую минуту жду финала, боевика на пороге или залетающей в окно гранаты. Но стрельба снаружи понемногу стихает.

Лопухий принимается говорить, сбивчиво, торопливо, не закрывая рта, будто поток слов невозможно прервать никак иначе, кроме как выпустив до последней капли, сбросить его как балласт. Он говорит, что погибший при взрыве – их командир, а сами они вдвоем – новобранцы, только позавчера прибыли, еще толком не разобрались, что к чему. Потом его начинает бить дрожь, это распадается в крови адреналин, мерзкое ощущение, сам такое испытываю.

Я опускаюсь на колени рядом с раненым. После укола обезболивающего он в сознании, постоянно держится руками за перебинтованное бедро, выше повязки: боится прикоснуться к месту ранения и еще больше боится перестать ощущать эту конечность, хотя бы руками. Тогда я сажусь на пол, прислонившись спиной к стене возле окна, и насильно укладываю его голову себе на колени. Присутствие другого человека должно успокоить его. Он не один больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.